

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

ДЕСАНТ

НА ЕВРОПУ

Ярослав Веров
Игорь Минаков
Десант на Европу, или
возвращение Мафусаила
Серия «Трикстеры», книга 2

предоставлено автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165801

Аннотация

Новый увлекательный фантастический боевик Ярослава Верова и Игоря Минакова продолжает цикл, начатый романом «Десант на Сатурн». Группой экстремистов захвачен космический лайнер «Вестник богов», летящий по направлению к Меркурию. Параллельно диверсанты проникают на «Объект „Ноль“, чтобы перенастроить суперкомпьютер, управляющий всей Инфосферой Земли. Человечеству будущего угрожает чудовищная катастрофа: боевые механорги, пораженные вирусом, начинают уничтожать вчерашних хозяев. Остановить бойню может только Наладчик и его немногочисленные союзники...

Содержание

Пролог	4
Глава первая	12
Глава вторая	37
Глава третья	57
Глава четвертая	89
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Игорь Минаков, Ярослав Веров

Десант на Европу или Возвращение Мафусаила

Они очень молоды, у них все впереди, а у нас впереди – только они.

Конечно, человек овладеет Вселенной, но это будет не краснощекий богатырь с мышцами, и, конечно, человек справится с самим собой, но только сначала он изменит себя...

Природа не обманывает, она выполняет свои обещания, но не так, как мы думали, и зачастую не так, как нам хотелось бы...

А. и Б. Стругацкие «Гадкие лебеди»

Пролог

Ночь в музее

Полуночный звон торжественно и печально плыл над облаченной в туман долиной Темзы, гулко отдаваясь под сводами моста, чья утратившая былое величие громада все еще отражалась в мглистой реке. Этот звук растревожил ворон в просторном, неухоженном парке, разбитом на месте бывше-

го Сохо. Вспугнутые птицы взмыли в небо. Затмевая редкие звезды, они ведьминским хороводом закружились над башней, венчающей древний Вестминстер...

Впрочем, эта немного зловещая картинка существовала лишь в воображении зрителя. Здесь, почти в двадцати милях от исторического центра Старого Лондона, источника печального звона – отреставрированных часов Биг-Бена – даже в холодном свете слегка ущербной луны было не разглядеть. Ну так, Дукласу макГрегору и не хотелось этого. Это звон для него означал лишь, что пробило полночь: время выходить из сторожки для еженощного обхода Музея.

Вот уже более десяти лет он, Дуклас макГрегор, добровольный и бессменный сторож-смотритель Музея, совершает этот ритуал. И ведь не надоедает! А какие еще привычки могут быть у человека, которому пошел четвертый десяток? И не просто четвертый десяток, заметьте, а четвертый десяток после первой сотни! Не позднее, чем через месяц друзья могли бы поздравить Дукласа со статридцатипятилетием. Если бы могли говорить...

С привычным, но оттого не менее приятным замиранием сердца смотритель вошел в Главный ангар – зал больших механизмов. Мягко вспыхнуло ночное «половинное» освещение под высоким спектролитовым колпаком. Следуя ритуалу, макГрегор прежде всего поздоровался со своим лучшим другом. Не вслух, разумеется. Просто, сдержанно, как и полагается джентльмену, поклонился редчайшей находке, об-

наруженной в развалинах депо на территории бывшего Екатеринбурга – целехонькому, в густом солидоле законсервированному паровозу. Годному к эксплуатации! Первой половины двадцатого века! Второй поклон угрюмо нахохлившемуся, бессильно свесившему лопасти большого винта, жутковатому красавцу – ударному вертолету «Апач». Начала двадцать первого, между прочим!

Постоять между этими горделивыми воплощениями гениальной мощи предков, вдыхая едва заметный аромат смазки и древнего железа – тоже традиция. Постоять и подумать о величии Мастера Холмса Уотсона – Основателя коллекции Музея. Что и говорить – гений!... Хотя и моложе почти вдвое его, Дукласа...

Выдержав обусловленные торжественностью момента три минуты, зритель неторопливо двинулся вдоль рядов больших и не очень механизмов, мирных и военных, целых и полуразобранных, проржавевших, но отреставрированных – и новеньких с иголки, словно вчера соскользнувших с конвейеров и стапелей. МакГрегор переходил из зала в зал, приближаясь к последнему экспонату, возле которого должно завершать обход.

– Вижу одну!

В стылом воздухе шепот прозвучал как свист невиданной ночной твари. Голос исходил от крупного валуна, приростившегося на невысоком пригорке у берега. С пригорка

открывался прекрасный вид на Музей Древней Техники. В слабом ночном освещении тот казался небрежно брошенной на землю цепочкой из семи звеньев-ангаров. Луна заходила, сквозь туман еле пробивались огни внутренней подсветки Музея.

– Или две?

Второй голос исходил от соседнего валуна, внезапно выступившего из мглы.

– Одна точно... Я же в маске... Вон она – висит...

– Ладно, начинаем!

Что-то колыхнулось, валун превратился в смутный человеческий силуэт. Рядом воздвигся второй. В поднятой к небу руке блеснуло нечто, смахивающее на древний дуэльный пистолет.

Охранявшая Музей эриния успела уловить запрос на личный код, успела просигналить, и в следующее, да нет, с точки зрения человека – в то же мгновение, бессильно кувыряясь, нелепо трепеща обмякшими как тряпки крыльями, устремилась к земле.

Стоявшая на небольшом постаменте человеческая фигура была на самом деле вовсе не человеческой. Единственный экспонат Музея, сочетавший в себе достижения как добиотехнологической, так и биотехнологической эпох развития техники, был снабжен скромной табличкой. Смотритель знал ее наизусть. Она гласила, что сей персонаж – дру-

гом его макГрегор не считал, а потому именовал персонажем – представляет собой созданный в сороковых годах двадцать первого столетия человекоподобный биологический механизм, так называемый механтроп, условно обозначаемый как «Алан», с квантовым компьютерным управлением, находящийся в состоянии инверсионного перепоключения. Что все это значит, старик-смотритель не слишком-то понимал, да и понимать не хотел: уж больно загадочно и красиво звучит! Но зато...

В этом зале Дуклас нарочно не зажигал света. Подбодившись, он уперся лучом допотопного электрического фонаря из запасника прямо в неподвижные и оттого казавшиеся надменными глаза экспоната.

– Отвечай на мои вопросы, болванка! – гулко разнесся по залу сухой и словно надтреснутый голос смотрителя. – Тебя зовут Алан?

– Не совсем корректно, – тихо и равнодушно, но отчетливо произнес экспонат. – Правильнее сказать, что при создании меня была использована психоматрица человека по имени Алан.

– Хе-хе, – отозвался старик. – Хочешь сказать, персонаж, что лучше меня разбираешься в том, кого, как и почему называют?

Это был дежурный вопрос, повторяемый еженочно вне зависимости от темы разговора. Ответ экспоната неизменно веселил смотрителя.

– Несомненно, – ответил механтроп.

– Приведи пример!

– Например, я точно знаю, что твое имя произносится как Дуглас, а не Дуклас. А фамилия пишется с прописной «М», а не со строчной.

Дуклас макГрегор фыркнул и, горделиво выставив колено, едва прикрытое кильтом, торжественно заявил:

– Триста мужчин из клана макГрегоров носили имя Дуклас, а фамилию писали с этой, как ее... строчной буквы! Так?

– Тебе виднее, – равнодушно отозвался экспонат.

– Забудем об этом, – великодушно решил старик. – Ты лучше скажи мне, персонаж, ты действительно мог бы стать властелином мира?

Это был тоже традиционный вопрос, хотя и задаваемый гораздо реже.

– Мог бы.

– А почему не становишься? Ну, давай, становись!

– Потому что не хочу.

– Гордый, значит...

– Нет, – ответил механтроп. – Просто у меня нет желания хотеть.

Опять же следуя ритуалу, зритель громко и с удовольствием рассмеялся. И это тоже никогда не приедалось ему, но сегодня что-то помешало удовольствию. Каким-то шестым или даже седьмым чувством Дуклас уловил за спиной

бесшумное движение, что спасло его от выпущенной почти в упор иглы станнера. Двое в плащах и масках – как в мульти-TV прямо! – вынырнули из полумрака. Смотритель не испугался. Нет, он не робкого десятка, не зря же он носит кильт и кошель! Дуклас успел прыгнуть на одного из нападавших, замахнувшись массивным фонариком, как кастетом. Но мак-Грегор был стар, а нападавшие молоды...

– Убил? – сдавленно осведомился тот, кто стрелял из станнера.

Второй наклонился, прижал палец к артерии на шее поверженного старика.

– Живой! – выдохнул второй. – И отлично! Приказ был – не убивать. Начнем?

– Начнем, во имя Черного!

– Да не упомянуто оно будет к ночи!... Что у тебя?

– Не терпится?... Все, как учил Мудрый. Самое простое решение всегда самое эффективное...

– Не тyani!

– Немного перманганата калия, немного магниевого порошка и серы...

– Ловко. А запалы?

– Разведем тот же перманганат в глицерине.

– Ловко, – повторил первый. – Не наследим?

– Не трусь, – с нескрываемым удовольствием произнес второй. – Комар носа не заточит... Или как там?...

– Не подточит, – неожиданно поправил экспонат.

– Чё он лезет? – спросил первый.

– А, не обращай внимания... – отмахнулся второй. – Это просто говорящая железяка... Короче, выносим... А это собрание морально устаревшего техномусора – в распыл. Что сгорит, то не сгниет! Ха-ха-ха...

Они подхватили зрителя – под мышки и за ноги – и споро поволокли на свежий воздух – вернее, в сгустившуюся до совсем уж крошечного мрака туманную ночь...

Глава первая

Сын за отца

Скользкая пучеглазая тварь, отчаянно и бестолково перебирая лапами, более похожими на плавники, выбралась на низкий топкий берег. Жаберные веточки под челюстными дугами судорожно трепыхались, выцеживая из тяжелого, насыщенного испарениями воздуха молекулы драгоценного кислорода... – *Нет, неправильно, жабер у ихтиостег уже не было. Отсекаем...* – Жабры отвалились и земноводное задышало ровнее. Сплюснутый по бокам хвост все еще оставался в воде. Он слабо шевелился, словно предчувствуя, что вскоре станет обузой, помехой на пути к прогрессу. – *Хвост придется укоротить... Хотя нет, для ихтиостеги он в самый раз, а вот когда дойдем до стадии мастодонзавра...*

Мучительное это занятие – вести трусливое полуводное существо на завоевание суши. Лучше бы «прокрутить картинку» сразу до появления целофизисов и устроить этим умным ловким тварям охоту на соседей по эволюционной лестнице, но бдительный искин такого не допустит. Ведь Дарвинариум – не аттракцион, а серьезная обучающая машина. Влепит в зачетку индекс неуспеваемости, доказывая потом, что ты не земноводное...

Эх, прогуляться бы сейчас на свежем воздухе под кронами трехсотлетних дубов по аллее Научной славы. А то и угнать гиппогриф, аккуратно припаркованный седовласым профессором Хансеном. И вдоволь порезвиться, срезая кончиками крыльев серый пух с подбрюшья облака, подбирающегося к Университетскому городку.

Увы, придется потерпеть. До конца семестра еще две недели, а я обещал деду с бабушкой сдать хвосты. Как ихтиостега... Нет, ну кто, спрашивается, отменил свободу образования?! Ведь еще пятнадцать лет назад – полное раздолье! Хочешь – учись. Не хочешь – оставайся дремучим невеждой... И никаких тебе практикумов по эволюционной биологии! М-да, благословенные были времена...

«Александр, можешь ли ты на минуточку отвлечься?»

«Да, Ирма, пожалуйста», – мысленно возликовав, отозвался я.

Хочу ли я отвлечься? Ещё как!

«С тобой будет говорить Александр. Я сочла необходимым сообщить ему, что ты очень занят, но он настойчив.»

Почему Александр?... Какой еще Александр?! А-а, наверное, Шур... Сколько лет, сколько зим... Вот дуреха эта Ирма, уж для кого-кого, а для Шура я всегда на связи... Только странно, с чего вдруг такая деликатность со стороны господина Наладчика?... Мог бы и напрямую.

«Немедленно соединяй!»

– Привет, тезка!

– Привет!

– Ты сейчас очень занят?

– Наблюдаю за страданиями ископаемого земноводного.

Весьма поучительно и настраивает на возвышенный лад...

Чего это меня понесло? От волнения, наверное... Ведь Шур просто так не позвонит...

– Ну-ну, – хмыкнул он. – Догрызаешь, стало быть, орешек знания...

– Орешек знания тверд, – тотчас откликнулся я, – но всё же мы не привыкли отступать, нам раскусить его поможет...

– погоди, Санек, – перебил Шур. – Есть дело. Серьезное.

Похоже, и впрямь серьезное, если Шур не поддержал нашу любимую игру в цитаты.

– Яволь, херр оберст!

– Будет лучше, если ты немедленно телепортируешься ко мне, – ответил он. – Не через Ирму разговор.

Ого, вот это секретность!

– Лечу!

– Давай...

Сделав ихтиостеге ручкой, – извини, мол, дорогая, попробуем завоевать сушу в следующий раз, – я лениво поднялся и едва не был сбит с ног толпой ввалившихся в сферический зал Дарвинариума студиязусов младшего курса. Нет, ну куда, спрашивается, ломаются эти мальки?! Или они не знают, что у акул сейчас индивидуальные занятия?... Надавать бы им по шеем, да связываться неохота...

По счастью, в коридоре никого из преподавателей не оказалось и я развил приличную скорость, метя напрямиком в свободную нуль-кабину. Огляделся, рванул сдвижную дверь. Мимолетно подумав, что, видимо, неспроста какой-то умник позаботился о том, чтобы студенты совершали как можно больше физических усилий. Все двери в Университете открывались только вручную, пользоваться транспортными механоргами на территории кампуса разрешалось лишь очень пожилым преподавателям и сотрудникам Исследовательского центра. Даже телепорт управлялся не голосовой командой, как везде, а через клавиатуру. Ну уж дудки, стану я напрягаться...

Ткнув М-импульсом в кодировочный блок, я почувствовал легкое головокружение, сменившееся тошнотой.

Блин непропеченый, ну почему других не тошнит во время телепортации, а меня просто таки выворачивает? У медикусов один ответ – излишняя масса. А с чего она излишняя, когда во мне ни грана ненужного жира? Ну, кости у меня массивные, так что мне теперь – скелет сменить? А мышцы *у* куда девать?...

В паршивом настроении выхожу из «нужника». В Восточном полушарии нынче вечер. В саду сумеречно, тихо и пустынно. Да и в самом доме, похоже, ни души, если не считать своры механоргов, населявших по преимуществу нижние горизонты, и неизбежной в любом древнем жилище мелкой живности. Стараясь ничем не нарушать вечернего покоя,

я едва ли не на цыпочках прокрался к веранде.

Разумеется, хозяин был там. Дремал в древнем кресле-качалке. Эхом из отдалившегося детства меня кольнула ревнивая обида. Эта расшатанная скрипучая конструкция некогда принадлежала карапузу Саньке Быстрову, по мере надобности превращаясь то в ложемент звездолета, то в лихого скакуна, то в палубу пляшущей на волнах каравеллы. И вдруг в летний безмятежный вечер качалка стала сама собой – колыбелью старого человека...

Вглядевшись в лицо Шура, я ужаснулся неприятному открытию. Шур и в самом деле старик. Как же я раньше не замечал? Всегда такой моложавый, подтянутый, вылитый капитан Фракас, он казался намного моложе моего деда. А ведь дед Витя не какой-нибудь обрюзгший завсегдатай Виртуала, нафаршированный искусственными органами. И вот на тебе! Припухшие суставы, пятна пигмента на сухой коже, тощую шею распирает острый кадык, голова запрокинута, из распущенного рта на подбородок стекает тягучая слюна.

Даже не верится, что этот ветхозаветный старец учил меня приемам классической борьбы, когда стало понятно, что ни к абоксу, ни к мечевому бою у Быстрова-самого-младшего никаких способностей, взбегал со мною, шестилетним, подмышкой на вершину самого высокого в окрестностях холма, доставал со дна Щучьего озера громадных раков-мутантов. В отсутствии родителей, без вести пропавших где-то в Большом мусорном поясе, Шур заменил мне отца...

Я прислонился к перилам, сделав вид, что люблюсь открывшимся видом. А полюбоваться было чем... Черные полукружья холмов неравномерным пунктиром прерывали багряную полосу заката. Холодный брильянт Венеры словно вобрал в себя свет умирающего дня. Я читал, что древним Звезда Утренняя и Вечерняя казалась воплощением небесной красоты. Знали бы они, что брильянт-то фальшивый...

Я разглядел в зените нитяной просверк Первого кольца. Если очень сильно постараться, то можно заметить, что серебряная нить расслаивается – старое Кольцо обрело второй ярус. Где-то там, у испытательного терминала, пришвартован «Вестник богов» – первый туристический космолайнер, вскоре отправляющийся к Меркурию.

В космос мне не хотелось. Никогда. Разумеется, я бывал на Марсе, в гостях у дяди Рюга и тети Памелы, когда они еще там жили, но перемещался обычным способом, нуль-транспортной. А вот чувствовать в руках настоящий пилотажный штурвал или тугие струны М-импульсов, «протянутые» от спинного мозга пилота к спинтронным мозгам корабельных искинов, не имел ни малейшего желания.

Ну, положим, не от спинного, и не напрямую от мозга, но звучит-то красиво: от спинного – к спинтронному...

Конечно, в малолетстве я мечтал разыскать сгинувших в космосе родителей, а заодно и волшебного кота Мафу, без которого Шур так скучает, но, когда подрос, понял, что это лишь глупые детские грезы...

Вспомнилась реклама, которую полгода гоняли по мульти-TV. Просторные каюты, отделанные ценными породами дерева, — а вы как думали, — вместительный бассейн с искусственным пляжем, смотровые палубы с шезлонгами, два ресторана, четыре бара, вышколенная прислуга. Шик, блеск, труляля... Не удивительно, что очередь желающих прокатиться к Солнцу и обратно выстроилась от Новой Зеландии до Ньюфаундленда, но Мировой Совет Фаланстеров решил отправить в первый рейс всяких знаменитостей. Спортсменов, артистов, сочинителей виртукомиксов. Из людей толковых на борту, по моим сведениям, должны были оказаться только дядя Хо и тетя Несси, то бишь, генеральный конструктор «Вестника» мистер Холмс Уотсон и лауреат возобновленной Нобелевской премии математик мисс Агнесс Шерман, в качестве премиальных получившая билет на это чудо-юдо космической техники. Шур по этому поводу, премии тёти Несси, в смысле, съязвил что-то насчёт Нобеля, перевернувшегося в гробу, а на просьбу разъяснить лишь хмыкнул нечленораздельно.

Нет, не завидую я этим счастливицам. Ведь ясно же, что не полет это будет, а скука смертная. Обжорство, поглощение крепких и не очень напитков, танцы до упаду, флирт разной степени тяжести и фальшивые, как Венера, ужасные опасности и стр-рашные приключения.

Хотя, подумалось мне, можно было бы напроситься по знакомству. Генеральный конструктор не отказал бы отприс-

ку своего бывшего капитана, но просить, умолять, канючить – стыдно. Тем более, сыну Быстрова...

Скрипнуло кресло. Я обернулся. Шур пристально без улыбки смотрел на меня, словно не узнавал. Ни в позе, ни в лице его не было и следа старческой расслабленности.

– Ага, тетка уже здесь! – сказал он, вставая.

Я, со слоновьей, как сказал бы мой тренер, грацией перемахнул через перила и порывисто обнял наставника.

– Ну будет, – проговорил Шур, отстраняясь. – Я тоже тебе рад, но давай обойдемся без телячьих нежностей. И, знаешь что, пойдем-ка в дом, чай пить. Здесь что-то знобковато...

Мне было скорее душно, но спорить я не стал. Дед с бабкой увлеклись в последнее время субтропическими экзотами и поэтому поддерживали в окрестностях подходящий климат. Поместью Шура досталось по касательной, но его неухоженный сад, древний дом и сам он, похоже, страдали от избытка сырости. В доме же микроклимат, видимо, вполне отвечал требованиям хозяина. Дышалось здесь легче, чем на веранде, но, как по мне, было жарковато.

Шур свистнул механорга-сервировщика и тот как всегда ловко развернул силовую столешницу, на которой, будто по волшебству, возник самовар с пузатым заварочным чайником под тряпичной куклой в сарафане и кокошнике, чашки, блюда, сахарница и сухарница, вазочка с брусничным вареньем и корзинка с горячими бубликами. В детстве эта славянская буколика казалась мне смешной, сейчас же ско-

рее трогательной. Вдруг подумалось, что не скоро еще удастся мне поучаствовать в знаменитом брусничном чаепитии у Шура и я, не откладывая дела, приступил к угощению.

Шур не мешал мне насыщаться, свято следуя своему правилу – дать гостю надуться чаю от души, а уж потом вести с ним важные разговоры. Прихлебывая из блюдечка, он сквозь пар посматривал в мою сторону. Что ж, всё ясно. Яснее пареной репы. Оценивающим взглядом Шур смотрит, когда желает осчастливить А. Быстрова очередным ответственным поручением. Случалось такое всего несколько раз, но практический смысл всегда оставался для меня загадкой.

Ну вот, скажем, в прошлом году. Вручил мне плоский прямоугольный предмет, название и предназначение которого я вспомнил не сразу, и велел доставить в фаланстер Райские кущи, что на острове в архипелаге Самоа, в резиденцию председателя МСФ Ференца Дьёра. При этом строго-настро-го запретил пользоваться телепортом. Пришлось лететь через полмира на его коптере, несколько устаревшей, но дивно послушной машине. Последнему обстоятельству я, сами понимаете, был только рад.

Приземление коптера и мой торжественный выход с папкой для бумаг – именно так называлась эта прямоугольная хреновина! – вызвало на островке небольшой переполох. Ведь это только звучит так внушительно: резиденция председателя МСФ, а на деле – вполне заурядный тропический фаланстер. Комфортабельные хижины, полуголые мужчины

и женщины. Днем нежатся в тени кокосовых пальм, на закате купаются в лагуне. А между коктейлями обсуждают мировые проблемы.

Признаться, я был слегка разочарован. Я наш Мировой Совет как-то иначе себе представлял. То есть, никакого определенного представления не было. Мерещилось нечто грандиозное, возвышенное, со спиральными спусками и роскошными пандусами... Ну да Шур с ними...

Председатель Дьёр – загорелый, лысый, похожий на буддийского монаха, вопреки ожиданию, выглядел довольно внушительно. Диковинное вместилище документов он принял не моргнув глазом, как будто имел дело с такими анахронизмами по три раза на день; развязал тесемки, пробежал глазами первый лист и, велев подождать, удалился в свою резиденцию.

Вернулся Дьёр не скоро, зато сердитый. Молча вернул папку и с тем откланялся. Изрядно сбитый с толку, я уже было загрузился в кабину коптера, как меня окликнул мальчишка-туземец. Сунул мне футлярчик с лепестком аудиозаписи, пропищал что-то неразборчивое и был таков.

Шур, видно, ждал меня с нетерпением. Едва я завел коптер в ангар, а он уже тут как тут. Отнял папку и лепесток и, как давеча Дьёр, не утруждаясь комментариями, удалился. Меня сильно интриговала вся эта таинственность, но спросить я не решился, а наставник не из тех, кто утруждает себя объяснением своих поступков. Единственное, что я от него

услышал, была фраза, не менее загадочная, чем перемещение антикварного раритета из Северного в Южное полушарие и обратно:

«Им не нужна, видите ли, тайная полиция, – фыркнул он. – Как будто они могли без нее хоть когда-то обходиться...»

Что Шур хотел этим сказать, я тогда не понял. И уж тем более, не пришло в голову, что сказанное будет иметь ко мне непосредственное отношение.

– Ну-с, тезка, – сказал Шур, когда я наконец отставил чашку. – Теперь можно и поговорить...

– Я готов! – брякнул я, не подозревая, что повторяю слова отца, сказанные в похожей ситуации.

– Замечательно, – одобрил наставник, но я не уловил особенного одобрения в его тоне...

Я не унаследовал от родителей ни стремительности движений, ни стройной фигуры, ни тяги к безумно-опасным приключениям, но взамен мне достались два удивительных качества. От матери – способность отслеживать изменения в психо-динамическом поле человеческого мозга, иными словами, видеть ауру. А от отца – умение чувствовать и управлять механорганами посредством биологической М-связи. Говоря языком науки, я би-ридер. И как би-ридер, остро ощутил за обычной невозмутимостью Шура, как внешней, так и внутренней, раздирающие его противоречия. С одной стороны, наставник крайне нуждался в моей помощи, а с дру-

гой – не знал, можно ли мне доверить ответственное задание. Больше всего Шура смущало, что я не похож на отца. Хлодвиг Быстров в любые авантюры мог кинуться очертя голову. И кидался. Его запросто можно было заслать шпионом в стан таинственных трикстеров, не объяснив толком, зачем это нужно. Не задумываясь о последствиях, он взялся довести сомнительной прочности связку из древнего дельтаракетоплана и модульного транспортника аж до Марса! Он вступил в неравную схватку с механтропом, а при захвате Евразийского Узла другими мехами бесшабашно принялся молотить этих человекообразных чудищ направо и налево. Венцом, и увы, страшным завершением его жизни стали поиски загадочного Роя в Мусорном поясе...

Тоже мне, капитан Сорви-голова... Нет, я, разумеется, люблю папу, просто не могу простить ему, что в тот роковой полет он и маму взял с собою... Ладно, не будем об этом. В конце концов, я просто хотел сказать, что трижды подумаю, прежде чем возьмусь выполнять очередное поручение своего наставника. Не из трусости, а из естественной осторожности, которой так не хватало моим ближайшим предкам...

– ...только знаешь, что, – продолжал Шур, – перейдем-ка мы с тобой в кабинет, как положено джентльменам. Опрокинем по рюмочке шерри, выкурим по сигаре... Ну-ну, шучу. Просто там удобнее...

Я вытаращил глаза, вовсе не от того, что он предложил мне спиртное и табак, а от того, что позвал в кабинет. В свя-

тая святых! В единственную комнату в доме, где я ни разу не был. Боюсь, в европейском океане сдох кальмаролот, если Шур решил пустить меня туда, куда не пускал, по слухам, даже моего отца!

Сознаюсь, при слове «кабинет» мне мерещились дубовые шкафы, блеск солнца на тисненных золотом корешках древних фолиантов, бюро с откидной крышкой и множеством ящичков, каждый из которых запирается на ключ, покойное «вольтеровское» кресло с удобным подголовником, бронзовая чернильница с крышечкой в виде головы пуделя, вечное перо, серый куб айбизмовского монитора... Наверное, я слегка перепутал эпохи, но это неважно, так как никакого собственно кабинета не увидел. За дверью оказался серый невыразительный ландшафт виртуальной матрицы в режиме сохранения.

Впрочем, «вольтеровские» кресла наличествовали...

Помнится, я не очень удивился, когда узнал, что Шур не просто человек. Можно сказать, даже вовсе не человек. Он – биокрибернетический организм, существующий более трехсот лет! С мировоззрением трехлетнего малыша такой образ самого близкого, после деда с бабушкой, ну и родителей, конечно, человека на свете уживался вполне безболезненно. Любой взрослый казался великаном, способным сворачивать горы, что уж говорить о Наладчике? Слишком многое в мире зависело от Шура-Наладчика. Он следил за исправным функционированием невидимой, но всепроникаю-

щей силы, которую взрослые называли Ирмой. Я даже думал, что небесные светила управляются этой Ирмой, а через нее и Наладчиком, но Шур меня разубедил. «Солнце и Луна, Земля и звезды движутся сами по себе, – сказал он однажды, – а вот все остальное действительно зависит от биокибернетического мусора, который твой старик носит в башке». И мне пришлось пережить горькие минуты в пору отрочества, когда я осознал, что эти слова все-таки отчасти шутка.

Чему я уж точно никогда не удивлялся, так это тому, что Шур понимает меня без всяких слов. Чувство, что я живу в мире глухонемых не покидало меня с младенчества. Если в период внутриутробной жизни я смутно ощущал постоянное присутствие матери, знал о приближении отца и, как ни странно, маленьких, заботливых механоргов, окружавших меня неоценимой заботой, то появившись на свет, я открыл существование других людей, словно отгороженных непроницаемой стеной. Постепенно обычная человеческая речь пробилась в этой стене несколько брешей, но лишь при появлении Шура она исчезала совершенно. Поэтому неудивительно, что Шур запросто считал мелькнувшую в моей подкорке картинку и милостиво материализовал пару старинных кресел.

– Садитесь, сударь! – сказал он, сопроводив фразу широким жестом гостеприимного владельца родового замка. – В ногах правды нет...

А ведь он нарочно оттягивает начало «собеседования»!

Неприятен ему этот разговор, и, значит, не напрасно я волновался. Поручение будет и сложным, и опасным...

– Недавно, тетка, меня отправили в отставку...

Ух ты! И кто ж это посмел?...

– Помнишь, я рассказывал, что Мировой Совет точит на меня зуб? Неприятно господам советникам, что власть их, и без того эфемерная, самым фактом моего существования превращена в чисто художественную условность. Я это хорошо понимаю, потому-то всегда старался не высовываться. Прояви они хоть каплю сообразительности, давно бы уже допетрили, что абсолютная гомеостатичность Ирмы – самый обыкновенный миф. Правда, хорошо подготовленный миф, но все-таки не реальность. Я бы и дальше потихонечку корректировал ошибки инфосферы, сохраняя инкогнито, но события вокруг трикстеров и битва с механтропами вынудили меня выйти напрямую на председателя МСФ. Пришлось почти все рассказать, дабы купировать панику и предостеречь Совет от скоропалительных, а посему неверных решений...

Речь Шура полилась плавно, даже академично, и я его не перебивал, хотя многое уже знал наизусть. Ничего не поделаешь, такая у меня память – она хранит все ощущения, мысли, слова, события когда-либо случавшиеся со мною с того самого мгновения, как только сформировался мой мозг и вся нервная система впридачу. Однако перебивать более чем пожилого человека невежливо...

...– на волне страха перед невидимой опасностью, тогдаш-

ний состав МСФ пересмотрел некоторые положения своего Устава, в частности сняв запрет на передвижение людей в открытых – воздушном и безвоздушном – пространствах. Рановато, конечно, обождать бы еще пару сотен лет, но иначе мне было не добиться официального разрешения на пилотируемые космические полеты, а без этого не построить надежного корабля для исследования Роя, который на казенном языке именовался «Структурной аномалией Большого Мусорного пояса»...

Здесь я не выдержал и скривил губы, уж больно мне не понравилось выражение «надежный корабль». Но Шур, кажется, ничего не заметил. Он продолжал вещать.

...– после исчезновения «Птерозавра-2» Совет чуть было не свернул пилотируемую космонавтику снова. Мне удалось отстоять некоторые программы, предусматривающие редкие исследовательские экспедиции. Пришлось немного поругаться с тогдашним Председателем, и кончилось это тем, что вслед мне было брошено что-то вроде: «Пора вам на заслуженный отдых, мистер Неверофф». Думал – пустая угроза, а оказалось, что нет...

Последние слова прозвучали задумчиво, даже грустно. Шур надолго замолчал, а я пытался сообразить, к чему он клонит.

– Недавно я был отправлен в отставку, – повторил он. – На Мангышлаке ввели в действие биокибернетический комплекс «Наладчик-бис». Меня никто и не подумал предупредить.

дить. И поэтому, когда вдруг оборвалась связь с Ирмой, я чуть с ума не сошел, вообразив своими старческими мозгами, что опять рухнул Евразийский Узел. Но Ирма тут же «позвонила» и эдак бодренько, как простому абоненту, сообщила, что, дескать, извиняется «за временные нарушения в функционировании М-сети, произошедшие в связи с глобальным перепозиционированием системы...» Короче говоря, меня изолировали от сети основных прерываний, превратив в обыкновенного, как говаривали во времена моего детства, юзера-чайника...

– Ага, теперь мне понятно, – перебил я, – почему ты связался со мною сегодня через Ирму, а не обычным способом...

– Да-да, – покивал сединами Шур. – Теперь дальное действие мое ограничено. На Ирму у меня нет никакого влияния, но опыт и интуиция остались при мне. И они подсказывают, что все это добром не кончится...

– Что ЭТО?

В тоне Шура появились нотки старческого брюзжания, чего за ним раньше не водилось.

– Дурацкая попытка сделать Ирму полностью автономной, – пояснил он. – Есть старая, но не разрешенная до сих пор философско-этическая проблема: можно ли машине доверить безраздельное управление собой, если при этом она управляет всем остальным? Я утверждаю: нельзя! Иначе все пойдет вразнос. Свобода заключается в добровольном вы-

боре несвободы – базовая парадигма этического программирования верна и для сверхсложных биокибернетических комплексов. Чтобы ограничить свободу функционирования инфосферы и был нужен Наладчик-человек. Или почти человек... Добровольно выбравший... А теперь они напихали под силовой колпак несколько сот триллионов запараллеленных спинтронных волокон и полагают, что обеспечили спокойное будущее еще на триста лет вперед?!

Я видел, что гневное вопрошание Шура адресовано не ко мне и потому промолчал. Вид его был жалок. В эту минуту он чем-то, хотя и весьма отдаленно, напоминал дряхлеющего императора, у которого жаждущие власти наследники отняли скипетр. Или даже не так. Наследники, отказавшись воспринять империю, заявили, что хотят передоверить управление ею некой машине, скажем, хитроумному автомату-андроиду, изобретенному придворным алхимиком. При чем, андроиду, внешне выглядевшему как император.

М-да, фантазии порой заводят далеко...

– Я предупредил Совет о необходимости введения хоть какого-то контроля, – продолжал Шур, – но напыщенный болван Дьёр заявил, что современной земной цивилизации не нужна тайная полиция!

– Папка для бумаг! – проявил я проницательность.

– Старые расчеты, – пробормотал Шур. – Ветхие социологические выкладки... Таблицы Эккермана... Я сильно заблуждался, полагая, что трикстеры – это и есть ультралуд-

диты двадцать четвертого века. Они оказались всего лишь кружком умелые руки, в худшем случае – петрашевцами-желябовцами...

Я аж рот раскрыл. И тут же закрыл, потому как сказать нечего. Заговаривается старик?... А может быть у него просто очередной приступ ретроградной инверсии, или как это там называется... Короче говоря, отстраненный от дел Наладчик медленно, но верно сползает в трясины прошлого...

– Ладно, – перебил сам себя Шур. – Вернемся к моей интуиции. Она мне подсказывает: вскоре начнутся малоприятные события. Не спрашивай меня, какие именно. Я и сам не знаю в точности. Чутье меня подводило редко и на этот раз оно улавливает тончайший аромат грядущих неприятностей. И аромат этот нисходит оттуда!

Шур ткнул суставчатым пальцем в потолок. Я невольно посмотрел туда же. Ну что ж потолок, как потолок, навесной, некогда белый, а теперь безнадежно серый и покрытый вязью трещин...

– Из космоса! – торжественно возвестил Шур.

О, боги! Неужели он опять заговорит об этой треклятой «структурной аномалии»? Но я ошибся.

– Я имею в виду дурацкую затею с туристическим круизом к Меркурию, – пояснил Шур. – До сих пор все полеты в реальном космическом пространстве были исследовательскими. Почти все. Космонавты проходили строгий отбор, случайных людей оказаться не могло. На этот же «Вестник богов» соби-

раются взять черт-те кого...

– Знаменитостей, – вставил я.

– Именно. Любой кретин, забравшийся на верхушку ежегодного рейтинга мульти-TV, может оказаться в пассажирах!

– Ну и что с того? – я окончательно запутался в туманных намеках наставника. – Дядя Хо и тетя Несси тоже из знаменитостей! Достойные люди...

– Я говорю об ультралуддитах, – сказал Шур. – Вернее, о современной их модификации. К сожалению, никакой конкретики сообщить не могу. Сам ничего не знаю. Мне известно, что они существуют, их много, они хорошо организованы и законспирированы. Скорее всего, в отличие от трикстеров, нынешние ультрики не имеют одной какой-то базы. Разумеется, есть координационный центр, есть специальные массивы данных в Виртуале, есть небольшие склады оборудования и подпольные мастерские по изготовлению всего необходимого, но сами боевики действуют автономно, находясь в постоянном контакте лишь с персональным координатором и немногими членами организации. Некогда это называлось «сетевая структура» Вот, пожалуй, и все. Маловато, конечно, но тебе, тетка, достаточно. Миссия, о выполнении которой я тебя собираюсь просить, не предусматривает активного контакта с ультралуддитами. Ты должен лишь наблюдать, собирать информацию, стараясь при этом не выделяться из толпы...

– Шпионить, значит? – уточнил я.

– Наблюдать, собирать информацию, – с нажимом повторил Шур.

– Ага, в точности как отец в стане трикстеров...

– Нет, не как твой отец, – возразил наставник. – От тебя никаких особенных подвигов не потребуется. Потолкаешься среди народа, пособираешь автографы, повосхищаешься талантами, все до мелочей запомнишь, – ведь для тебя это не представляет особых трудностей, не так ли? – а после доложишь мне.

– Где потолкаться-то? – бросил я сварливо. – Среди какого народа? И с какой стати я буду брать у этого народа автографы?

– Вот тупица! – буркнул Шур. – Неужели до сих пор еще не понял?! Среди пассажиров «Вестника богов»!

– Я?! На Меркурий?! – рявкнул я, сами понимаете, безо всякого восторга.

– Еще чего, – немедленно разочаровал меня наставник. – На Меркурий они пусть сами. Ты же ограничишься посещением тренировочного лагеря, где этих счастливчиков готовят к шикарному времяпровождению на борту лайнера.

– А разве для этого надо как-то специально готовить? – наивно поинтересовался я.

Здорово всё-таки, что не придется переть в космос.

– Разумеется, – фыркнул Шур. – Космос есть космос. Никакие меры безопасности не помогут, если пассажиры не будут знать точного расположения всех отсеков корабля, не

научаться пользоваться индивидуальными и коллективными средствами спасения, не усвоят элементарных правил поведения в невесомости и так далее. Занятия, тренировки и испытания вызовут у пассажиров «Вестника» неслабый стресс, что неизбежно скажется на поведении. Даже самые скрытные рады будут пожаловаться на деспотизм устроителей этого космического шоу любому, кто пожелает их выслушать. Чем ты и воспользуешься. К тому же ты, Санька, би-ри-дер. Благодаря своей сверхчувствительности, ты быстро отличишь нормальных пассажиров от маскирующихся под них ультраиков.

– Думаешь, среди этих «счастливиц» обязательно окажутся ультрауддиты?

– Именно это тебе и следует установить! – припечатал Шур. – Не знаю для чего им может понадобится «Вестник», но уверен, что их координаторы не могли упустить столь уникальной возможности. Усвой главное, надо собрать информацию обо всех пассажирах, чье поведение покажется тебе аномальным. Проанализировать эту информацию и сделать правильные выводы – уже моя задача. Если благодаря тебе удастся доказать или хотя бы обосновано заподозрить, что на борту космолайнера, среди трех десятков обыкновенных знаменитостей могут оказаться экстремисты, то я припру Мировой совет к стенке и потребую адекватных мер! Иначе увеселительная прогулка к Меркурию может плохо закончиться. А доказав сам факт существования ультрауд-

дитов, я смогу убедить господ советчиков в необходимости, как минимум, создания при МСФ структуры безопасности. То есть, той самой тайной полиции. Понятно?

– Более чем, – вздохнул я.

– Так ты согласен?

– Согласен. Когда отправляться и куда?

– Чем раньше, тем лучше, – ответил наставник. – С университетом мне удалось договориться. У тебя отныне трёх-недельная гуманитарная практика. Это с запасом. Ты журналист, собираешь автографы, новости и сплетни.

– Вот за это спасибо! – искренне обрадовался я.

В конце-концов, толкаться среди знаменитостей гораздо приятнее, чем пристёгивать лишний хвост очередной ихтиостеге.

– Дед с бабкой уже в курсе...

– Отлично. Я больше не парюсь универе, а по вечерам – к тебе с отчётом

– Не пойдет! – отрезал Шур. – Покидать тренировочный лагерь, когда захочешь, запрещаю...

Вот еще! Стану я там загорать круглые сутки. Надоест болтать и вымаливать автографы у знаменитостей, поймаю первый попавшийся оник или грифон и айда куда-нибудь в тихое местечко купаться, или просто валяться на травке... Но недаром Шур – единственный в мире человек, которому ведомы малейшие движения моей души.

– И не мечтай, – проговорил он. – Через телепорты ту-

да-сюда прыгать – лишнее внимание плюс нарушение режима гуманитарной практички.

– Я незаметно! Подручными транспортными средствами.

– Подручными транспортными средствами воспользоваться не удастся. В силу естественных причин...

– Каких это еще причин?

– Перепад температур от плюс ста тридцати днем, до минус ста пятидесяти ночью, катастрофически низкое атмосферное давление и чудовищно высокий уровень солнечной радиации, а главное весьма солидное расстояние от любого места, где можно свободно поваляться на травке.

– Так этот лагерь... – пробормотал я.

– Точный адрес: «Селентиум». Кратер Коперника. Луна.

– Вот те на...

– Не волнуйся, – усмехнулся Шур. – На лагерь, в смысле – *настоящий* лагерь, этот паноптикум нисколько не похож; к тому же там комфортно. Ведь «Селентиум» – новейшая колония. Воздух всегда свеж, вода – чиста. Просторно и весело. Тебе понравится... Хо все устроит – он там вроде начальника центра подготовки. Вопросы есть?

– Есть один, но не слишком деликатный.

– Валяй!

– Почему ты сам этим не займешься?

– По нескольким причинам, – спокойно ответил Шур на этот, признаюсь, хамский вопрос. – Во-первых, я киборг, значит, оставляю информационный след во всех контроль-

ных системах, а власти блокировать их у меня теперь нет. Во-вторых, ультралуддиты, если они там на самом деле толкуются, могут меня знать в лицо. Если я правильно понимаю, ими может руководить кое-кто из моих давних противников. Какое уж тут инкогнито... В-третьих, даже если мне удастся серьезно изменить внешность, выглядеть молодым и любознательным, извини за выражение, овощем, мне никак не под силу.

– Понятно, – кивнул я. – Постараюсь оправдать доверие.

– Да уж, постарайся, – сказал Шур без энтузиазма. – Только не увлекайся игрою в шпионов. Никого не выслеживай и вообще не суй носа в чужие дела, просто наблюдай и запоминай. Если будет ценная информация, сообщи Хо, что хочешь вернуться – и сразу ко мне на доклад.

– Слушаюсь! – гаркнул я, молодецки вскакивая и пожирая начальство глазами.

– Ладно, иди собирайся. – Шур, наконец, позволил себе улыбнуться. – Пока.

Я пожал его отнюдь не вялую ладонь и вышел в образовавшийся в виртуальном сумеречье кабинета дверной проем.

Глава вторая

Легенда о Тиле

Контейнер обнаружился между двумя глыбами песчанника, ни цветом ни формой от них не отличимый. Был он, правда, раз в десять меньше, и гёз не заметил бы его, если бы точно не знал: посылка здесь, в глубокой, сухой впадине. Грузовой птеродактиль вышел на точку сброса три часа назад. Пыль давно осела, но эринии за сотню-другую вёрст могли засечь тепловой след, оставленный стремительно несущимся к земле телом, и, следовательно, проявить к этому телу ненужное любопытство.

Никто, даже Мудрый, не знает до какой степени эшелонировано наблюдение за объектом «Ноль». На месте проектантов, Тиль бы озаботился, чтобы не то что человек, а и ящерица не проскочила. Но по прибытию на полуостров никаких ограничений в свободе передвижения он не почувствовал.

От самого Форта Тиль шагал неспешным туристическим шагом, вертел рыжей башкой, таращил голубые глаза да пошвыривал на солнце веснушками, по последней моде обильно припудренными блестками. Вероятно, физиономия его так сияла, что разглядеть подробности внешности было невозможно. Да и кто бы стал разглядывать?

Судя по загруженности телепорта, желающих побывать на

Мангышлаке хватало, словно с ума все посходили по меловым обрывам побережья, каспийской горько-соленой воде и изрытой впадинами пустыне. Никто не обратил внимания на рыжего паренька, отправившегося осматривать местные достопримечательности пешком.

На случай, если перемещения посетителей Устюртского эколокуса все же отслеживались, гёз вырядился в старую потрепанную куртку, увешанную значками опытного туриста-пустынника, указывающих на неоднократные посещения Каракумов, Намиба, Атакамы и Большого Сырта. На настоящей войне столь жалкая маскировка не могла бы ввести противника в заблуждение, но до настоящей войны еще далеко: следует лишь соблюдать элементарную осторожность.

Приложив к поверхности контейнера блямбу декодера, Тиль отступил за ближайшую глыбу и присел на корточки, прислонившись спиной к жесткому камню. Песчанник приятно охлаждал спину – утреннее солнце еще не проникло во впадину – можно и передохнуть перед решительным маршброском.

Гёз посмотрел вверх. Мир на головой четко делился на три части. Справа он был почти черным из-за тени, которую отбрасывал левый, более высокий край обрыва, сам ослепительно белый в раскаленных лучах, а посередине – чистый аквамарин. Впрочем, чистота эта была сразу нарушена четким крылатым силуэтом.

Тиль дёрнулся было, но тут же облегчённо перевел дух.

Никакая это не эриния. Просто хищная птица – гриф или сип. И нет ему дела до одинокого разведчика тире диверсанта. Хищник высматривает иную добычу: отбившегося от стада сайгачонка или сорвавшегося с кручи муфлона...

«Покх-шшш» – сдержанно вздохнуло за прикрытой камнем спиной.

Тиль вздрогнул. Оказывается он задремал, загипнотизированный медленным полетом падальщика, который раз за разом появлялся с одной стороны голубой полосы и исчезал с другой. Страхув сонливость, гёз бросился к кучке снаряжения, появившейся на месте распавшейся в пыль оболочки контейнера.

Обычный «малый джентльменский набор». Камуфлёр – плащ из нановолокна, превращающий того, кто его наденет, в человеку-невидимку. В самом широком диапазоне частот. Станнер – излучатель активной защиты, крепящийся на запястье и оставляющий пальцы свободными. Скореходы – новейшая разработка, совершенно бесшумные. Эвакуатор – телепортатор разового действия, штука остро необходимая в ситуации, когда нужно быстро линиять с места событий. И наконец, самое главное: парюра виртулек – пакетик с тончайшими наномасками.

Облачившись, Тиль не спеша полез из оврага. За кромкой обрыва он активировал невидимость, а пройдя несколько шагов, запустил и скореходы. Лишь легкое облачко пыли обозначало теперь путь гёза, да стоя сайгаков, почуяв неви-

димку, шарахнулась с его пути.

Солнце бодренько взбиралось в высоту, тени от скал укорачивались и отползали к подножиям. Становилось жарко. Местность словно вымерла. Даже грифы исчезли – ослепительное небо радовало пустынностью. Объект «Ноль» возник на горизонте спустя четыре часа.

Выключив чудо-сапоги, Тиль вынул из парюры первую маску и залег за ближайший валун. В маске мир волшебным образом преобразился. Желтыми червями ползли к небу столбы зноя, тени у скал лежали черными кляксами. Радужными спиралями мерцали, спрятавшиеся в тени змеи. Катился огненным клубком тушканчик. Характерной для механоргов переменной биотермической активности нигде не наблюдалось. Гёз перевел наблюдение на объект, настроив виртульку на максимальное увеличение.

Ничем не примечательный купол грязновато-охристого цвета возвышался над пустыней не более чем на десять метров – основная часть укрыта под землей. С километрового расстояния определить, где именно угнездились эринии, было непросто. Оставалось лишь надеяться на камуфлер. Можно дожидаться темноты – план операции допускал и это, – но в случае боестолкновения в темноте у «страж-птичек» оказалось бы серьезное преимущество.

Тиль решил передохнуть: расслабить не только мышцы, но и нервы, подумать о чем-нибудь приятном. Память, отпущенная на волю, медленно и лениво побрела по закоулкам

прошлого...

Первая встреча. Обмен ничего не значащими фразами. Ее мгновенная улыбка в ответ на его неуклюжую шутку...

Нэн входила в группу «А» – элиту гёзов, что создавало между ней и скромным нанооператором из подразделения технодиверсий почти неодолимое препятствие. Достаточно было побывать на тренировке альфовцев, чтобы убедиться в этом.

Спарринг-партнерами Нэн обычно выступали подвижные механорги. Особенно устрашающе выглядел Барлог – гигант с огненным хлыстом. Обширные подземелья Старой Базы были переоборудованы в тренировочные залы. По официальной «легенде», База и была полигоном, но – ролеви-ков, поклонников какого-то древнего писателя-профессора. Тиль никак не мог запомнить его сложную фамилию, хотя придуманный профессором мир пришлось изучить.

Завалы, груды бетонных блоков с торчащими прутьями арматуры, образовавшиеся после того, как около двадцати лет назад База была атакована с орбиты, расчищать не стали. Подняли и укрепили стены, упрочнили перекрытия – и только. Получилась система искусственных пещер, напоминавшая легендарную Морию, куда угодить – и то жутко, не говоря уж о том, чтобы сражаться с чудовищами.

Но Нэн сражалась. Инфернальный поединок наблюдали на мониторах: непосредственный наблюдатель мог бы выжить лишь в жаропрочном скафандре. Который, кстати, си-

дел на прекрасной поединщице пусть мешковато, но не без изящества. В ожидании активации спарринг-партнера, Нэн прохаживалась по залу. Барлог появился на исходе второй минуты. У Тиля аж дух занялся, когда он увидел эту трехметровую образину.

Передвигался Барлог вдоль специального магнитопровода, по очень сложной траектории. Сенсорный блок, выполненный, разумеется, в виде головы демона, мрачно мерцал багряными индикаторами, а единственный манипулятор заканчивался тубусом генератора дискретной плазмы. Эффект хлыста создавался ультракороткими импульсами, которые бешено крутящийся манипулятор превращал в извиляющийся огненный смерч.

Нэн приняла боевую стойку, окутавшись защитным полем, вдоль силовых линий которого при каждом движении поединщицы скользили искры разрядов. В качестве активного средства у Нэн имелся энергетический щуп, наподобие тех, что использовали богомолы-тестировщики, выявляя бракованных механоргов. Целью тренировочного боя было продержаться против Барлога десять зачетных минут.

«Демон» долго маневрировал и атаковал лишь на исходе четвертой минуты. Плазменный хлыст взвился и захлестнул колени Нэн, вернее, почти захлестнул. Сделав сальто, девушка ушла от удара, и, оказавшись на ногах, воткнула конец энергетического щупа Барлогу чуть ниже «спины», то есть в один из центральных нервных узлов. Механорг потряс воз-

дух и слух зрителей мощным ревом. С точки зрения Тилья, можно было и обойтись без этого спецэффекта, но, похоже, альфовцы на сей счет придерживались иного мнения.

Новая атака спарринг-партнера Нэн оказалась куда более успешной. От соприкосновения плазмы с защитным полем полыхнуло так, что мониторы на несколько секунд ослепли. Когда система видеонаблюдения перезагрузилась, Тиль едва не завопил от ужаса. Размахивая огненным хлыстом, Барлог теснил противницу, прижимая ее к груде бетонных блоков. Искрили разряды, летели капли расплавленного металла, вентиляторы едва успевали отсасывать дым и ядовитые газы.

Нэн почти не было видно из-за плазменных вспышек, лишь на мониторах, куда поступала информация с датчиков, закрепленных непосредственно на скафандре девушки, удавалось отследить траекторию ее перемещений. Судя по этой траектории, поединщице приходилось туго. Похоже, Нэн сосредоточила все усилия на том, чтобы уворачиваться от хлыста, ибо за каждое удачное попадание Барлога с нее снимали очки. Девушка вертелась ужом, подпрыгивала, перекачивалась, вытворяла разные сальто-мортале и... стремительно уставала.

Тиль взглянул на таймер. Слава Мудрому, Нэн осталось продержаться меньше минуты. В то же мгновение поединщица перешла в атаку. Ловко отклоняя силовым щитом удары «демонского» хлыста, Нэн провела ряд нижних выпа-

дов, всякий раз чувствительно задевая противника. Но точку в поединке она поставила воистину виртуозно. Перекатившись через голову, Нэн буквально вонзила щуп в «солнечное сплетение» – центральный нервный узел, находящийся у этого вида механоргов непосредственно под сердцем и являющийся по прихоти техноэволюции мозгом спарринг-партнера.

Разбитый параличом, Барлог остался нелепо торчать посреди зала, а счастливая победительница вбежала в смотровую и, сорвав с головы шлем, впечаталась полными своими губами прямоком в уста ошалевшего Тиля. Это был их первый и, увы, последний на сегодняшний день поцелуй. Через неделю Нэн по приказу Координатора отправилась выполнять задание в неизвестном влюбленному гёзу направлении, а сам Тиль приступил к проработке плана разведовательно-диверсионной акции на объекте «Ноль».

Объект «Ноль»...

Вернувшись к действительности, Тиль снова обозрел окрестности. Все было по-прежнему безмятежно. А чего он собственно ждал: армады боевых оргов, барражирующих в воздушном пространстве, системы активных ловушек или минных полей? Ну нет, если бы Координатор или Мудрый опасались бы чего-то подобного, они бы направили команду альфовцев, а не «диверсанта» из группы «С».

«Пойми главное, – напутствовал его Мудрый. – Преимущество заключается не столько в НАШЕЙ внезапности,

сколько в ИХ полнейшей неподготовленности!»

Ну да, ну да... ОНИ вообще ни к чему не готовы! Все они суть бурные бездельники, для которых, что спорт, что наука, что искусство – лишь способ избиения свободного времени, которого очень и очень много. Основным занятием предков нынешних овощей была непрерывная борьба за существование с природой, обществом и себе подобными. Что бы ни случилось, предки всегда были готовы к драке, ибо надеются, кроме как на самих себя, им было не на кого. А потом случилась Великая Механоргическая революция – штука полезная, слов нет, но большинство восприняло ее как возможность отказаться от борьбы, наивно полагая, что Вселенная – это место, где можно только развлекаться и жить исключительно ради удовольствий.

Но Вселенная бросила вызов. Она извергла Злокозненных Чужаков из недр своих. И те не замедлили напасть сначала на одну из марсианских колонний, а затем попытались захватить Евразийский Узел. И если бы не героические усилия Черного Координатора и его ближайшего друга и соратника, гениального Мудрого, Злокозненные Чужаки уже всю бы командовали в нашем мире. Тогда их удалось отбросить, но любому мыслящему человеку ясно, что не надолго. Они еще вернутся.

И что же сделало человечество в лице своих самозванных правителей, так называемого Мирового Совета Фаланстеров? Приняло экстренные меры? Как бы не так! МСФ

свалил вину за происшедшее на Марсе и Евразийском Узле на своих спасителей! Какова благодарность! Хорошо, что Координатор и его друг не отчаялись, а принялись терпеливо готовить материально-техническую базу, а главное – бойцов для отражения грядущей атаки Злокозненных Чужаков. Третью веку потратили они, чтобы организовать сопротивление, вырастили целую плеяду гёзов – нищих, однако не духом, но свободным временем, ибо у истинного гёза нет свободного времени до тех пор, пока хоть один аalien оскверняет своим зловонным дыханием Вселенную...

Тиль ощутил воодушевление и прилив сил. Объект «Ноль» лежал перед ним, как на ладони. Истинный гёз выполнит миссию! Когда-нибудь эта операция войдет в легенду и это будет легенда о нем – о Тиле!

Ладно, вперед!

Выбравшись из-за валуна, гёз уже без оглядки помчался к цели.

Примерно за триста метров до объекта Тиль ощутил как лица его коснулось нечто липкое, но невесомое, словно осенняя паутина. Проскочив по инерции несколько шагов, он услышал тихий треск, сопровождавшийся легким покалыванием кожи.

«Ага, – сказал себе гёз. – Многослойная микрополимерная сеть, накапливающая статический заряд... Так вот каким образом они защищаются от животных!»

Понятно, что никакая четвероногая тварь, получив чув-

ствительный удар электрическим током, не станет продолжать путь в запрещенном направлении. Ну, а двуногую, особенно специально экипированную, этим не остановишь.

Тиль натянул перчатки, а на голову – капюшон. Лицо, конечно, защищает наномаска, но надо проскочить препятствие как можно быстрее: ведь каждый следующий слой несёт все более мощный заряд – для самых настырных. Отступив на несколько шагов, Тиль активировал скороходы и стремглав кинулся на преграду. Вернее – через. На такую наглость защитная сетка рассчитана не была. Полыхнуло так, что будь сейчас ночь, окрестности осветились бы в радиусе километра, не меньше.

С размаху наскочив на твердую стену, Тиль даже не сразу сообразил, что перед ним. Желтая и шершавая – она уходила вправо, влево и вверх, но, похоже, это был не сам купол, так как высота ее не превышала трех метров. Переведя скороходы на джамп-режим, Тиль без разбегу перемахнул стену и тут же пожалел о своем легкомыслии.

За стеной оказалась вода. Вернее, вязкая зелёная жидкость, заполнявшая широкий ров. Тиль ухнул в нее почти без брызг, но зато с головой. Жидкость залепила наномаску, которая пропускала воздух, но, по-счастью, задерживала более плотные среды. Гёз вынырнул, сорвал виртульку и, тяжело загребая руками, поплыл к противоположному берегу.

Выбравшись на твердую поверхность, он несколько минут лежал, распластавшись, словно древнее земноводное на по-

бережья Пангеи, и проклинал создателей объекта «Ноль», спутниковую разведку, не обнаружившую ловушку, а пуще всех – себя самого.

Ну и что теперь делать? Сапоги и плащ отныне не годятся ни к черту! Хорошо, если остальное оборудование сохранило работоспособность...

Тиль перекатился на спину, отстегнул фибулу плаща, содрал грязные скороходы. Внимательно осмотрел снаряжение. Станнеру никакая жидкость не страшна, он исправно функционировал бы и на океанском дне. Парюра с наномасками полностью герметична, чего нельзя сказать об эвакуаторе – самой тяжелой и самой узкоспециализированной штучковине из всех, что приходилось таскать на себе.

«Ладно, допустим, что эвакуатор в порядке. Ведь все равно проверить его можно только в момент пуска...»

Над самым ухом диверсанта раздалось предупреждающее шипение. Тиль машинально откатился в сторону, вскочил и направил станнер на вероятного противника. Перед ним, выпрямившись во весь гигантский рост, стоял механорг-тестировщик. Фасеточные фотофоры сверкали в лучах послеполюденного солнца, ханжески скрещенные на грудной пластине метровые иззубренные пилы чуть заметно подрагивали в такт биению силиконового сердца. Но гёз смотрел не на эти, в общем-то безобидные щупы, а – на скромные, едва заметные жвалы, через которые в любое мгновение могли выплеснуться мутные струи парализующего токсина.

Тиль шагнул влево. Богомол-тестировщик качнулся в ту же сторону, опять предупреждающе зашипев. Механорги этого клана не имели функции искусственной речи, ибо с людьми им иметь дела не полагалось. Скорее всего, завидев столь грозный биомеханизм, любой здравомыслящий овощ немедленно послал бы запрос на экстренную эвакуацию, но у диверсанта такого права не было. Как, впрочем, и уверенности, что тестировщик применит против человека яд. Однако испытывать незыблемость основ этического программирования на собственной шкуре не хотелось.

– Не желаешь пропускать? – осведомился Тиль у безмолвного стража. – Ну тогда не обижайся.

Гёз спокойно, даже несколько картинно, словно на стрельбище, согнул в локте руку со станнером и отвел назад. Как если бы собирался провести простейший хук. Почувствовав в этом жесте угрозу, механорг присел на широко расставленных нижних конечностях и развел пины в стороны. Тиль знал, что таким образом тестировщик демонстрирует беззащитность и мирные намерения, но это не спасло богомола.

С еле слышным щелчком из станнера вырвалась игла с микробоеголовкой и вонзилась тестировщику между жвал. Дождаться результата попадания Тиль не стал. Скороходов у него больше не было. Пришлось резво прыгать в сторону и рвать что есть мочи вперёд, а по прошествии пяти секунд ничком кинуться на землю. Микробоеголовка сработала штатно. Концентрированный взрыв разметал конечности,

головогрудь и шупы механорга куда ни попадя. Что-то чувствительно садануло Тиля по затылку и все стихло.

«Хорошо, что я взял станнер, а не этот хваленый дезактиватор...» – подумал гёз, поднимаясь.

В ушах стоял звон, а в носу свербило от пыли. Тиль оглянулся на дело рук своих и невольно передёрнул плечами.

«Нет, дезактиватор все же гуманнее, – решил гёз. – После него орга еще можно реанимировать... Правда, стопроцентной надежностью дезактиваторы не отличаются...»

И то верно. Прежде чем дезактивировать механорга, его спинтронному мозгу посылается запрос пароля, и только после получения неверного ответа транслируется парализующий импульс. На это уходит микросекунд пятнадцать, а то и больше. Механорг все еще остается активным и... опасным. Даже самый безобидный, – так как успевает позвать на помощь ближайшую «страж-птицу».

По слухам, в каких-то совсем уже засекреченных подземельях, то ли в Центральной Африке, то ли в Южной Америке, изготавливают так называемые люцваффен или «пушки Люцифера» – настоящие высокоэнергетические излучатели. Вот они-то действуют без всякой задержки, испепеляя любую органику в радиусе от метра до трехсот. Однако никто из знакомых Тиля своими глазами эти дьявольские игрушки не видел, посему нельзя исключить, что существовали они лишь в воспаленном воображении некоторых любителей нездоровых сенсаций.

В пределах прямой видимости эриний не наблюдалось. Значит, тестировщик все-таки не издал «предсмертного вопля» – видно, так и не сообразил до конца, что происходит. Воодушевленный этим обстоятельством Тиль начал методично осматривать купол в поисках технологических люков. Таковой вскоре нашелся. Круглое отверстие полметра в диаметре было прикрыто обыкновенной металлической крышкой, запирающейся поворотом рычага. Гёз справился с этим запором играючи, и, предварительно осмотревшись, скользнул в темное, прохладное чрево объекта «Ноль».

От люка внутрь купола вела наклонная металлическая труба. Совершенно гладкая, если не считать неглубоких выемок через каждые десять-пятнадцать сантиметров – видимо они были предназначены для цепких лап механоргов-ремонтников. Тиль сразу же сообразил, что обратно по этой трубе ему не подняться. Диверсанту сделалось не по себе – а вдруг эвакуатор засбоит и не получится выбраться на поверхность? – но он заставил себя сосредоточиться на деле. Тем более, что скольжение вниз благополучно завершилось.

Труба выходила на кольцевую галлерею, опоясывающую конусовидное основание святого святого объекта «Ноль» – спинтронный супермозг. Собственно, основанием для супермозга служило специальное силовое поле, а опрокинутый конус, что возвышался сейчас над восхищенно рассматривающим это сооружение Тилем, был кожухом генератора. А восхищаться было чем. Высоко над головой гёза стреми-

тельно вращался радужный шар диаметром метров в пятьдесят. Выглядел он при этом отнюдь не эфемерным, наподобие мыльного пузыря. Напротив, ощущалась в шаре приличная тяжесть и огромная мощь.

Несколько преждевременно поздравив себя с победой, Тиль достал из парюры еще одну наномаску. Эта была сделана похитрее предыдущей, она впитывалась в кожу, проникала специальными эффекторами, словно щупальцами инопланетной твари из старинной кинострашилки, в нейронную сеть головного мозга, превращая своего носителя в сверхчеловека – повелителя живых машин. Правда, не надолго. И до того, как виртулька рассосется, надо успеть сделать все необходимое, ибо вторично прибегнуть к этой модели можно будет лишь спустя несколько суток.

Едва прошло онемение лицевого нерва – неизбежное следствие контакта с наномаской – Тиль снова обратил взгляд к супермозгу. Теперь гёзу было отлично видно, что шар представляет собой клубок спинтронных волокон субмикронной толщины, окруженный со всех сторон аурой входящих и исходящих М-сигналов.

Их было неисчислимое множество, ежесекундно создавались и распадались триллионы соединений. Цепи команд, бесконечные, как межгалактические мосты, рождались и умирали с немыслимой скоростью: да – нет, единица – ноль, жизнь – смерть... Электромагнитные излучения в сравнении со стремительностью М-импульсов казались вязкими,

как кисель и медлительными, как звук.

...патрульная эриния из Большого Мусорного пояса запрашивала разрешение на дезинтеграцию массивированного скопления обломочного материала, не представляющего интереса для перерабатывающего комплекса...

...отряд механоргов-кротов, прокладывающих разгрузочный магмопровод в основании тектонической плиты, несущей Японские острова, фиксирует аномальное возрастание температуры...

...орг-педиатр из госпитального центра в фаланстере Долина Безмятежности, требует замены просроченной противостолбнячной сыворотки...

...фантопликатор художника-сенсуалиста Митькина зациклился на...

Тиль почувствовал себя оленем, погибающем в горной стремнине. Информация захлестывала его, но погибать «легендарному» гёзу было еще рановато. Нужно найти основную цепь прерываний и закоротить ее, лишив инфосферу возможности контролировать самоё себя. И тогда её станут контролировать другие...

Диверсант мысленно разрезал спинтронный кокон вдоль оси. Виртулька тут же воспроизвела эту картину в динамике и цвете.

«Та-ак, кажется, эти вот узловатые волоконца...»

Цепь найдена. Следующим шагом должно стать тончайшее нейрохирургическое вмешательство. Наномаска работа-

ет не только как сканер. Благодаря тому, что она многократно усиливала зачаточные ридерские способности, Тиль получил возможность влиять на процесс «мышления» супермозга изнутри.

– Надрежем вот здесь, – комментировал гёз свои действия вслух. – Отсюда уберем лишнюю связку, а здесь создадим параллельное соединение... для надежности...

Откуда-то из-под купола, с двадцатиметровой высоты сорвалась эриния. В свободном падении она развернула крылья, и из пике перешла в плавное снижение. Специальное оперение делало ее полет бесшумным как у совы, да и сама «страж-птица» была размером с неясыть, не крупнее.

Существо внутри охраняемого объекта эриния восприняла как механорга неизвестного клана. Критерий, которым она пользовалась, был чрезвычайно прост: если активность М-поля значительно выше фоновой, значит, перед ней – механорг, к тому же – чужой, к тому же – незаконно пересекающий периметр охраняемого объекта. Вывод: максимально понизить функциональные возможности нарушителя, вплоть до нулевого уровня.

Не ведая о грозящей опасности, Тиль рассек спайку между четырьмя долями супермозга и готовился соединить их накоротко.

Эриния, оказавшись на расстоянии прямого визуального контакта с чужаком, веером развернула фиксирующие щупальца и вытолкнула из открывшегося отверстия парализу-

ющую капсулу. По счастью, она почти промахнулась.

Жгучая, сводящая с ума боль пронзила левое плечо Тиля. Заорав, как бешеный, он завертелся волчком, вмиг забыв о своей миссии, долге гёза, обо всем на свете...

Эриния пронеслась над ним, едва не задев крылом, но прежде чем выйти на линию повторной атаки, успела осознать, что применила боевой токсин не против механорга, но человека. Механорга вырубил бы сразу, к тому же без звуковых колебаний, присущих виду хомо сапиенс. Будучи существом весьма высокорганизованным, «страж-птица» постигла всю глубину своей ошибки и в полном соответствии с постулатами этического программирования, кинулась оказывать первую помощь.

Сквозь пелену слез, застывшую глаза, Тиль увидел несущуюся на него эрiniu. Даже полупарализованная, нервная система сохранила некоторые рефлексy. Подчиняясь судорожному сжатию кисти еще действующей руки, станнер выплюнул навстречу крылатому механоргу целую серию смертоносных игл.

Нашпигованная ими, эриния зависла над человеком. Специальной диагностической программы ей применять не пришлось, «история болезни», пораженного нейротоксином «пациента» и так предельно ясна, но человек не дал механоргу применить медицинские познания на практике.

Обливаясь слезами и потом, Тиль непослушными пальцами вскрыл предохранительный колпачок на пускателе эва-

куатора, одновременно прижимая его к груди. И провалившийся свою миссию гёз, скрылся с места преступления за миг до срабатывания микробоеголовок.

Порыв горячего воздуха отшвырнул эринию прямо на кожу генератора силового поля. Незадачливая «страж-птица» попыталась подняться, но последовавший взрыв разнес ее в клочья. Ударная волна смяла кожу, встряхнула станину генератора, сместив тщательно отцентрованный сердечник.

Поле исчезло. Супермозг, лишенный поддержки, рухнул всей массой на основание, разлетясь на отдельные желеобразные комья, как если бы опрокинули на пол огромную кастрюлю с киселем.

Но до того, как прекратить свое существование, распараллеленная система «Наладчик-бис» послала по цепи обратной связи импульс, уничтоживший все, что так кропотливо создавалось более трехсот лет...

Глава третья

«А на Луне, на Луне...»

«Мари, с тобой хочет поговорить мистер Пак. Прикажешь соединить?»

При упоминании о вайртере, Мари состроила недовольную мину, но тут же разгладила набежавшие было морщинки. В отличие от голокамеры, зеркало не склонно льстить хозяйке.

«Соединяй, Ирма, куда от него денешься...»

«Мари! Мари! – затараторил вайртер, едва получив разрешение на аудиоконтакт. – Ты видела сегодняшний рейтинг? Это какой-то ужас! “Тигровая звезда” – самый скучный визуал сезона. Представляешь?!»

– Кошмар, – равнодушно откликнулась Мари, быстро втирая силикрем в слегка обозначившиеся после вчерашней вечеринки мешки под глазами.

«Тебе наплевать, а мне – нет! Ты – знаменитость, а я кто?»

– Бездарь, – безжалостно бросила Мари.

«Как ты можешь! Я вложил всю душу в этот проект! Весь свой талант! Неблагодарная...»

– Отвяжись, Пак, – отрезала Мари. – Мне сейчас не до тебя.

Но бедолага продолжал изливать душу и жаловаться на

судьбу. Мари даже стало интересно. Пак кричал о том, что в давние-стародавние времена, когда в качестве поощрения актрисы получали не звездочки в виртуальном рейтинге, а вполне конкретные материальные блага, он бы превратил ее в нищенку.

Мари немедленно вообразила себя нищенкой в живописных лохмотьях, выпрашивающей у прекрасного рыцаря на длинном розовом автомобиле милостыню.

Ах, как романтично...

Пак продолжал бубнить:

«...широкая известность еще не повод для звездной болезни. История искусства знает не мало примеров, когда возомнившие о себе актрисы в одночасье становились никому не нужны...»

– Если бы ты так же реплики сочинял, как языком чешешь, – перебила его Мари, – цены бы тебе не было.

Врайтер аж задохнулся от негодования, но его собеседница велела Ирме прервать контакт. Некогда вытирать сопли расхныкавшемуся гению. «Тигровая звезда», задуманная Паком как романтическая ретрокомедия с приключениями жестоко провалилась на ежегодном фестивале мульти-TV. Не помогло даже участие всемирно признанной тивидивы Мари Стюарт, исполнение коей главной женской роли признано участниками голосования «блистательным, как всегда». Личный рейтинг Мари оставался на недостижимой высоте и ее не волновали провалы постановок, в которых она

участвовала.

Особенно сегодня, когда ее уговорили наконец отправиться на Луну, чтобы присоединиться к компании счастливых, которым предстояло совершить головокружительное космическое путешествие. Ну что по сравнению с этим страдания какого-то литератора-неудачника? Скоро она будет развлекаться среди себе подобных в комфортабельных номерах на «Селентиуме». И, может быть, проявит благосклонность к великану Мартеллу, последние полгода буквально засыпавшему ее пылкими признаниями и цветами.

Настоящий мужчина этот метатель молота, не то что коротышка Пак...

Возбужденная этими мыслями, Мари ускорила сборы, что в общем было ей не свойственно. Гардероб и драгоценности упакованы еще вчера, но туалет для сегодняшнего эффектного появления на Луне, а, тем более, макияж – заранее не построишь. Мари трудилась уже битых пять часов, серворги сбились с мандибул, стараясь угодить хозяйке...

И вот необходимое совершенство почти достигнуто. Из старинного зеркала, доставшегося актрисе от прапрапрабабки, на нее смотрела коротко стриженная платиновая блондинка с дерзким выражением глаз и соблазнительно очерченными губами. Ну, вылитая Шэрон Стоун в классическом «Основном инстинкте» – кумир и неизменный пример для подражания.

Закатное солнце вызолотило монументальную надпись,

вот уже четыре столетия возобновляемую на холмах, приютивших фаланстер Холливуд, когда Мари покинула дом и в сопровождении сервора, тяжело нагруженного багажом, спустилась к стоянке гиппогрифов. Разумеется, Мари могла воспользоваться личным нуль-Т, но во-первых, все вещи через маленькую кабину не протащишь, а во-вторых, отправить их малым ходом лишь в сопровождении тупоголового меха нельзя, обязательно уронит и что-нибудь испортит.

Придирчиво осмотрев свободные гиппы, Мари выбрала самый вместительный, рассчитанный на транспортировку большого семейства. Тщательно проследив за укладкой багажа, она уселась наконец в пассажирское кресло и, нарастив обтекатель, велела трогать. Плавно и упруго взмахивая двумя парами крыльев, гиппогриф оторвался от земли, набрал комфортную для столь капризной пассажирки высоту и направился на запад, к смутной громаде Тихоокеанского Узла, дрейфующего вдоль Западного побережья.

Холливуд вскоре остался позади. Гиппогриф мчался над пальмовыми рощами, густо покрывавшими территорию, занимаемую в прошлом огромным Лос-Анджелесом. Город был стерт с земного лица Великим Калифорнийским землетрясением, случившимся в последней четверти двадцать первого века. Впрочем, Мари почти ничего не знала об этом, хотя, разумеется, ее приятно взволновало археологическое открытие, сделанное на месте бывшего Голливудского бульвара. Еще бы, ведь среди нескольких десятков, вмонтиро-

ванных в ископаемый асфальт металлических звезд была и та, что носила имя любимой актрисы.

Пальмы, отрезанные от океана широкой полосой дюн, скрылись в наступающей ночи. Гиппогриф поднялся выше, дабы не тратить силы в борьбе с береговым ветром. Теперь казалось, что он почти не движется, зависнув между двумя безднами – флюоресцирующей зелеными галактиками планктона океанской и мерцающей звездной. Лишь медленно сползающий к экватору Узел, издали похожий на свободно плывущую в пространстве Рождественскую ель, увеличиваясь в размерах, подтверждал, что крылатый механорг все-таки не болтается на одном месте.

Мари, которой наскучило философское одиночество в мерцающей пустоте, велела гиппу поторопиться. Тот заработал крылами с удвоенным усердием, Узел стремительно придвинулся и вскоре принял в пассажирский терминал нетерпеливую птичку. Здесь Мари и ее драгоценному багажу пришлось разделить – в зону транспортных нуль-Т люди не допускались.

Расставшись с гардеробом, Мари спустилась в зону, доступную посещению. Здесь было полно праздного народа. Призывно сияли вывески кафе-баров, музыка мешалась с речью, несколько зевак с энтузиазмом следили за виртуальной схваткой двух устрашающего вида механоргов, вдоль панорамных окон на смотровом ярусе прогуливались парочки.

Мари ревниво разглядывала женщин, опытным глазом

отличая неприхотливые наряды скромных «марсианок» от пышной безвкусицы обитательниц лунных колоний. Постоянные жительницы Земли предпочитали разнообразие, но модные тенденции прослеживались. Особенно бросалась в глаза приверженность юных девиц к «пламенеющему» стилю. Мари стало стыдно от того, что полгода назад сама сходила по нему с ума. Хороша была бы она сейчас в этих молодежных тряпках!

По-счастью, теперь Мари придерживалась только входящей в моду тенденции к асексуальности в одежде. Иначе выглядела бы как вон та дуреха, что прется прямо сквозь голографическую иллюзию европейского аквариума. И не противно ей, что эти твари, от одного вида которых кидает в дрожь, задевают ее мерзкими своими то ли щупальцами, то ли хвостами?...

«Дуреха» приблизилась к Мари вплотную.

«Боже мой, как она этого добилась? Нанопластикой, и не иначе... но ведь, полная нанопластика вредна для здоровья!»

– Простите, я вас, кажется, испугала, – сказала незнакомка ЕЕ голосом и улыбаясь ЕЕ улыбкой. – Вы – знаменитая Мари Стюарт?

– Да, – ответила Мари, натянуто улыбнувшись. – Хотите автограф?

– В самую точку! – продолжала атаковать ее шэроновскими интонациями незнакомка. – Я без ума от вашей игры!

Увидев вас, я выскочила как ошпаренная, забыв на столике в дамской комнате свою сумочку. В ней я держу специальный вирнот для автографов. Вы не откажете в любезности пройти со мною в дамскую комнату?

Предложение было хамским, но воля Мари при виде столь идеальной копии Божественной Шэрон совершенно размягчилась. Позволив взять себя под руку, она покорно двинулась за поклоницей. На пути у них оказался какой-то молодой ротозей, по видимому, оценивший внешнее сходство двух женщин. Мари не могла не отметить, что его взгляд задержался на «Шэрон» несколько дольше, чем на ней. Что моментально отрезвило тивидиву.

«Неужели дамочка настолько идеально копирует великую Стоун, что это заметно любому прыщавому юнцу? – думала Мари, по инерции продолжая следовать за собирательницей автографов. – Конечно, он и не подозревает, что перед ним выскочка, самозванка, ни разу не принявшая участие в фестивале...»

Горечь Мари была вполне обоснована. Каждый год поклонники Божественной Шэрон собирались в разных уютных местечках, чтобы обсудить вклад великой актрисы в мировое искусство, который раз с наслаждением посмотреть восстановленные фильмы с ее участием, а также выбрать очередную победительницу конкурса на лучшую «Шэрон Стоун Солнечной системы»! Того самого конкурса лауреаткой которого она – Мари Стюарт – становилась аж три раза!

И в последний раз, что особенно приятно, на Марсе, в маленькой колонии стоунистов «Вспомнить все».

М-да, вот это был подлинный триумф... И теперь какая-то самозванка тащит ее в уборную, чтобы взять автограф! Да не бывать этому...

«Надо бы проучить мерзавку, – с ожесточением подумала Мари. – Как там было в сценарии “Тигровой звезды”?... Юная папуаска вступает в неравный бой с капитаншей пиратского судна и побеждает».

Разумеется, побеждает, ведь папуаску играет сама несравненная Мари Стюарт, помимо прочего, еще и чемпионка Восточного побережья по женскому абоксу!

Бесстрастные мониторы системы безопасности Узла зафиксировали следующее. Торопливым шагом две молодые женщины, в чьих чертах прослеживалось определенное сходство, вошли в туалетную комнату, видимо, движимые известным намерением. Пробыли они там минуты три, после чего из дамской вышла лишь одна из женщин. И сразу направилась к свободной нуль-кабинке. Датчики-регистраторы отметили стандартное перемещение человека из передатчика на Тихоокеанском Узле в приемник телепорта лунной колонии «Селентиум». Вторая женщина так и не покинула туалетной комнаты. Во всяком случае, через дверь.

Камень был скользким из-за облепившей его тины, и девушке, чтобы сохранять равновесие, приходилось непрерыв-

но размахивать руками. От этого казалось, что она изображает неспособную взлететь чайку.

– Опусти крылышки, – с усмешкой посоветовал Гарик, вынырнув прямо перед ней.

– Не могу, – выдохнула она. – Свалюсь...

Он с легкостью вытолкнул себя из воды и взобрался на камень.

– Ну и что? – сказал беззаботно. – Вода-то теплая...

– Для тебя может и теплая, а для меня холоднящая. Помог бы лучше...

– Не могу, – эхом отозвался он и, не поворачиваясь к ней спиной, переступил на другой камень.

И она не стала уточнять: почему. Испугалась. А вдруг ответ будет столь страшен, что придется и впрямь сигать в эту воду, вернее в густую кашу из воды и осколков льда.

Гарику ледяная купель была нипочем. От его крепкого, мускулистого тела шел пар, оно просто лучилось здоровьем и мужской красотой. Девушке немедленно захотелось к нему, но юноша уже стоял далеко и, похоже, не собирался возвращаться.

– Ты зачем пришла? – спросил он вдруг.

– Как это зачем?... – опешила девушка. – Тебя повидать...

Узнать, как ты здесь живешь...

– Нормально живу, – буркнул он, отводя взгляд. – Что мне сделается...

– Да, конечно... – потупилась она.

– Ты лучше о себе расскажи. Как поживаешь?

– Ничего... Вот на Меркурий отправляюсь...

– На Меркурий! – встревожился Гарик. – Зачем это?

– Ну, понимаешь, туристический полет... В качестве премии. Я теперь знаменитость...

– Останься на Земле!

– Почему?

– Не знаю, – покачал головой Гарик. – Вернее – не могу говорить... Просто поверь мне.

– Хорошо, хорошо, милый, – проговорила девушка, удивляясь как это легко у нее получилось – назвать этого моржа «МИЛЫМ».

– Как ты меня назвала? – нахмурясь переспросил Гарик.

– Ой, – испугалась она. – Я не хотела...

– Не хотела? – усмехнулся Гарик и вдруг потребовал: – Иди ко мне, любимая! Скорее!

– Я... я сейчас...

Девушка шагнула на следующий камень. Он казался сухим и надежным, однако нога соскользнула. Серое небо и черно-белое водное пространство встали дыбом. Девушка закричала и ухнула в ледяную бездну...

«Гарик!»

Мисс Агнесс Шерман, для друзей – Несси, подскочила над постелью, одеяло соскользнуло с нее, но предохранительный полог все же не дал врезаться в низкий потолок каюты. Медленно опустившись на жесткое ложе, которое в усло-

виях лунного тяготения было мягче любой перины, женщина провела рукой по лицу. Оно было влажным.

– Господи... всего лишь сон.

С криком вскакивать из-за кошмаров, просыпаться в слезах, – что это, как не признак приближающейся старости? – спросила Несси у самой себя, при помощи привычной самоиронии стараясь унять расхолодившееся сердце.

Ответа не последовало. Да и что можно ответить самой себе? А задать этот вопрос кому-нибудь еще, не представляется возможным, ибо как гласит старая хохма: рада бы сказать «отвяжись», да не кому. Сороковник на носу, и ни одного приличного мужика в пределах видимости. Приходится разговаривать с мертвецами... Хорошо ещё, что – во сне.

Поняв, что начинает горевать о своей бабьей доле, Несси решительно выбралась из-под полога. Ровно за мгновение до срабатывания будильника.

– Заткнись, – сказала Несси сладкоголосой, но до ужаса надоедливой сирене.

Серворг послушно исполнил приказ. Скинув ночнушку, Несси втиснулась в душевую. Добрая минута ушла на выбор моющей пены. Остановившись на лавандовой, Несси окутала себя ею с ног до головы, превратившись в Мыльную фею – персонажа любимой детской постановки. Теперь дело за малым – смыть с себя всю эту дрянь вместе с ночным потом. Несси, плотно зажмурившись, запустила форсунки.

Она бы запросто пренебрегла утренним душем, в котором

чувствовала себя тарелкой внутри посудомоечной машины, но неумолимый Мастер Хо требовал строго соблюдать все этапы тренировки. Несси не хотелось подводить старого друга, ему и так хватало хлопот с прочими, как называли их в официальных коммюнике, «членами команды пассажиров» – тремя десятками избалованных, капризных кумиров публики.

Во время завершающих недель подготовки, туристы жили внутри макета космолайнера, выполненного в масштабе один к одному, чтобы привыкнуть к его, мягко говоря, необычной обстановке, научиться пользоваться различными санитарными и бытовыми устройствами и вызубрить наизусть расположение отсеков. По части роскоши макет был далек от оригинала, и это правильно: нельзя чтобы пассажиры отвлекались на пустяки. К тому же, в таком упрощении был точный психологический расчет: оказавшись на борту настоящего корабля, туристы должны непременно ощутить прилив энтузиазма.

Вообще, устроители самого главного шоу в истории Солнечной системы прекрасно разбирались в психологии. Кумирам не давали скучать ни минуты. Поначалу им было в новинку их положение. Стильные комбинезоны, разработанные, кстати, одной из участниц программы, дизайнером Лимой Майлз, выделяли будущих пассажиров «Вестника богов» из пестрой толпы других туристов. Восторженные возгласы, насмешки завистников и умоляющие взоры собирате-

лей автографов сопровождали счастливицов, где бы они ни появлялись. Ажиотажная атмосфера скрасила скучные теоретические курсы подготовки. Когда же искреннее восхищение и неприкрытая зависть приелись, начались тренировки в макете. Следующим номером программы была посадка на специально построенный в Копернике космодром первого в истории космолайнера. Ну а затем: кораблю – взлет!

Едва Несси высушила себя искусственным торнадо, как надоедливый каютный серворг – ходили слухи, что на самом «Вестнике» их заменят настоящие стюарды, и слава богу, – прошипел: «К вам посетитель, миссис».

– Не миссис, а мисс! – рявкнула на него Несси. – Сколько тебе говорить...

«Впустить посетителя, мисс?» – поинтересовался серворг, как почудилось Несси, довольно ехидно.

– Я тебе!... – взвизгнула голая «мисс», хватая купальный халат.

Ответ был неверный, поэтому ехидный искин тут же заблокировал дверную панель. На лету подхватывая сухие, но не расчесанные волосы, Несси стремительно обернулась к входу, чтобы немедленно потребовать от незванного посетителя выйти вон. Но требование сие буквально замерло у нее на устах.

Перед ней, косой саженью в плечах загораживая неширокий дверной проем, стоял живой Морж, пунцовый от смущения. Зажав рот, чтобы не заорать благим матом, Несси по-

пятилась в глубь каюты.

– Простите, тетя Несси, – пробормотал посетитель, отводя взгляд от полуобнаженной «тети». – Я, наверное, не вовремя...

– Санек! – облегченно выдохнула мисс Шерман, опускаясь в кресло. – Как ты меня напугал...

«А ведь вылитый Гарик Морозов! Ну не лицом, конечно. Лицо у него отцовское, а вот статью...»

– Извините, – пылая щеками, продолжил гость. – Я хотел найти дядю Хо, но мне сказали, что он внезапно отбыл на Землю...

– Отбыл? – удивилась Несси. – Я... не знала... Но ты-то как здесь очутился, Санек? Вернее, понятно как, но зачем?

Посетитель вскинул и снова поспешно отвел взгляд.

– Автографы я собираю, – буркнул он. – Тут столько знаменитостей и все в одном месте...

– Отлично! – улыбнулась Несси. – Ты спустишься в бар «Геоцентрик», что на третьем уровне, а чуть позже к тебе присоединюсь. Гарантирую не только свой автограф. Идет?

– Идет! – согласился юнец и со вздохом облегчения выдвинулся обратно в коридор.

«Добро пожаловать на Луну, мэм!»

Женщина безразлично улыбнулась механоргу, который обслуживал туристов, прибывающих через телепорт Тихоокеанского Узла. Речевой синтезатор «таможенника» менял

голосовые модуляции в соответствии с полом, возрастом и психотипом клиента. Женщине «достался» мягкий баритон, весьма неприятно контрастирующий с внешним обликом биомашины, отдаленно напоминающей паука-птицеяда.

«Ваш багаж, мэм?...»

– Я налегке.

«Вы совершенно правы, что доверяете нашей сервисной службе, мэм, – отозвался „таможенник“. – У нас лучшие серворги, обеспечивающие комфорт и безопасность на всем протяжении вашего пребывания на самой тихой планете Системы!»

Туристка сдержанно кивнула и прошла в накопитель, где скучала уже довольно изрядная толпа.

Луна опять была в моде. В отличие от других внеземельных турцентров, «Селентиум» не построили прямо на поверхности, как старинный «Лунник», и не углубили в грунт, как «Стикни», и не заякорили в скале, как «Цереру» на одноименном астероиде. Нет, он вообще не касался лунной почвы – он двигался! Мощные антигравитаторы, питаемые глюонным реактором, перемещали многотонную громаду почти со скоростью суточного оборота земного спутника, таким образом «Селентиум» всегда оставался на линии терминатора, избегая как раскаленных лучей полуденного Солнца, так и лютого мороза полуночи.

Фантазия проектировщиков турцентра зашла столь далеко, что они придали ему сходство с «Хилтон-орбитер» –

одним из самых знаменитых космических отелей прошлого, с роскошными номерами исключительно высшего класса, смотровыми площадками, искусственными водоемами под спектролитовыми куполами, салонами для танцев, светских бесед и различных игр, ресторанами, спортивными залами и прочая, прочая, прочая. Был также предусмотрен парк с комплексом аттракционов, но главным аттракционом оставалась сама Луна, где даже завзятые землеседы чувствовали себя почти как дома. Ведь вот он дом, всегда в пределах прямой видимости.

Вновь прибывшую виды на Земной полумесяц не интересовали. Покончив с формальностями, она прошла прямо к эскалатору, ведущему на нижний уровень «Селентиума».

– Мари! – окликнула ее невысокая темноволосая женщина. – Только что прилетела?

Мари медленно, словно нехотя, оглянулась. Несколько мгновений она без улыбки смотрела на приближающуюся знакомую, потом, изобразив на лице искреннюю радость, откликнулась:

– Какая встреча, Лима!

– Сколько световых лет, сколько световых зим, милая, – блеснула остроумием та.

– Световых? – озадаченно переспросила подруга.

– Ну да, – кивнула Лима. – Хотя вряд ли ты знаешь, что такое скорость света...

– Скорость света в вакууме составляет двести девяносто

девять тысяч семьсот девяносто два километра в секунду, – парировала Мари. – Это предельная скорость для электромагнитного излучения.

– Ого, ты, я вижу, даром времени на Земле не теряла, – заметила Лима. – Мы тут думали, что наша тивидива крутит очередной роман, тогда как нас, сирых, крутят на этих ужасных центрифугах. А ты, оказывается, коротала дни в образовательном сегменте Виртуала! Готовилась к полету самостоятельно?

– Я хорошо подготовлена, – равнодушно отозвалась Мари.

– Ну-ну, посмотрим... – усмехнулась Лима. – Кстати, сейчас прибывает наш корабль. А в три часа объявлена первая экскурсия на борт. Надеюсь, на этот раз ты к нам присоединишься?

– Я буду точно в три.

– Ну и отлично. Тогда до свидания, дорогая.

– До встречи.

Мари шагнула на эскалатор, а подруга, проводив ее задумчивым взглядом, устремилась наверх, где в «Геоцентрике» собирались некоторые «члены команды пассажиров», чтобы обсудить разные животрепещущие вопросы. Лиму просто распирало от желания поделиться с кем-нибудь новостями, соображениями, предчувствиями и предположениями. Одним словом, сплетнями.

Вакуумный лифт вознес ее на третий уровень. Это и в другие дни было самым посещаемым местом в «Селентиуме»,

но сегодня, похоже, сюда стеклось все трехтысячное население турцентра. Люди толпились повсюду, где были экраны, демонстрирующие панораму лунной поверхности. Лима с огромным трудом пробилась к группке своих, как и полагается знаменитостям, занявших наиболее удобные места – столики вдоль широкого спектролитового окна, выходящего на северную часть кратера Коперник. Но здесь ее ждало разочарование.

Взгляды подруг были прикованы к окну, а уши ловили транслирующиеся в широковещательную сеть переговоры экипажа космолайнера с диспетчерской службой турцентра. Никто из присутствующих ровным счетом ничего не понимал в казуистике специальных терминов, которыми вместо нормальных слов обменивались пилоты с диспетчерами, но всем казалось, что они причащаются некой важной тайне.

– Это вообще какая-то бессмыслица, – сказал незнакомый Лиме молодой человек, сидевший за одним столиком с Агнесс Шерман – выскочкой, как не без подачи Майлз стали называть ее в женской половине пассажирской команды.

«Протяжка», – прохрипел в динамиках мужественный голос космопилота.

– Почему? – поинтересовалась выскочка, как всегда одетая чудовищно безвкусно.

– Понятийный аппарат М-навигации слишком сложен для вербализации. И потом, пока пилот произносит только одно слово, корабельные и диспетчерские искины успевают про-

качивать мегабайты информации. Не понимаю, зачем летуны устраивают этот спектакль?

«Отсечка», – рывкнул динамик.

– А я, кажется, понимаю, – тонко улыбнулась его собеседница. – Они устраивают именно спектакль, работают на публику.

– Ох уж мне эта публика, – сокрушенно покачал крупной головой юноша.

«Отклонение от вертикали – ноль», – разнеслось по залу.

– Для собирателя автографов в тебе маловато энтузиазма.

– Да я не по своей воле, тетя Несси! – воскликнул молодой всезнайка.

«Несси? Какое милое прозвище для этого чудища...» – усмехнулась про себя Лима.

«Горизонт чист», – ни к селу, ни к городу доложил динамик.

– И кто же тебя неволит?

– Преподы, – хмуро отозвался юноша. – У нас гуманитарная практика. Мне выпало быть репортером нашего университетского мульти-TV. Вот я и решил сделать репортаж о пассажирах «Вестника».

– А причем тут автографы?

– Ну, я решил, что буду репортером-инкогнито. Как персонаж одной старинной пьесы.

«О, эта новость будет поинтересней появления „образованной“ Мари!»

– Тогда говори об этом потише, – посоветовала Несси, оглянувшись на присевшую неподалеку Лиму Майлз.

«Стою на хвосте», – доложил пилот.

– Вот он! – выкрикнул сидевший у самого окна гигант Дитер Мартелл.

«Где? Где? Где? – спросили сразу несколько голосов. – Ничего не видим!»

– Да вот же он! – пояснил зоркий метатель молота, с такой силой тыча железной рукой в окно, что казалось, сверхпрочный спектролит вот-вот лопнет.

– О, и я вижу! – поддержала его миниатюрная блондинка Катерина Бланш, прославившаяся своими кулинарными рецептами.

Теперь увидели и все остальные. Одна из медленно ползущих в безвоздушном небе Луны звездочек, замедлила ход и увеличилась в размерах. Прошло несколько томительных минут, прежде чем она обрела очертания серебристого сигарообразного тела, опускающегося на роскошном хвосте пламени из кормовых дюз. Одобрительные крики, свист и аплодисменты встретили появление космолайнера.

«Экипаж космического корабля “Вестник богов” приветствует вас!» – торжественно заверил собравшихся неведомый космопроходец.

Аплодисменты угрожали перейти в бурную и продолжительную овацию.

– Все это глупее, чем я думал, – сказал юный всезнайка

своей собеседнице, едва восторженный шум улегся.

– Что именно? – спросила та.

– Ну... ведь не секрет, что «Вестник» внешне построен по типу тех ракет, что существовали лишь в воображении наших предков. Отсюда и все эти спецэффекты с переговорами по радио и реактивным выхлопом. На самом деле, его опускают на силовой подушке, как обыкновенный грузовой челнок.

– Слушай, а ты оказывается интересный собеседник, Санек! – искренне восхитилась Несси. – Казалось еще недавно на руках тебя тетешкала, а вот поди ж... Жаль, что ты не лежишь с нами.

– Терпеть не могу Космос, – фыркнул юнец, задерживая, как показалось зоркой дизайнерше, взгляд на груди мисс Шерман дольше, нежели требовали приличия.

«Было бы на что смотреть! Стиральная доска, так кажется, говорили в древности...»

Количество информации, полученной Лимой за последний час превысило все мыслимые нормы хранения. Со сдержанно-скучающим видом, женщина поднялась со своего места и отправилась к стайке товаров, прибавившейся к барной стойке.

– Кто она? – спросил я, провожая взглядом вызывающе модно одетую брюнетку, что напряженно прислушивалась к нашим разговорам, а затем внезапно вскочила и удрала.

– Вот у кого тебе обязательно нужно взять автограф, а заодно и интервью, – сказала тетя Несси, многозначительно округлив глаза. – Это всем знаменитостям знаменитость. Нас подслушивала сама Лима Майлз, самый модный дизайнер одежды в Солнечной системе, а по совместительству первая сплетница в нашем экипаже. Она составила против меня коалицию, что-то вроде: «Женщины “Вестника богов” против выскочки Шерман, к тому же не умеющей одеваться». При том, что модели наших комбезов разработаны ею же...

– М-да, что-то мне не хочется просить у нее автограф... – пробормотал я, вторично скользнув взглядом по пресловутому комбезу в том месте, где он скрывал две маленькие, как у четырнадцатилетней девчонки, но такие соблазнительные округлости.

Я мысленно потряс головой, отгоняя прилипшее видение – трогательно худенькие плечи и застывшие в немом ужасе глаза лауреата восстановленной премии. Ведь чёрт знает что выходит. Тётя Несси, она же вдвое меня старше. Она ж меня на руках носила...

Поддавшись соблазну, я сделал то, чего обычно стараюсь не делать – приоткрыл дверь в младенческие воспоминания. Почему-то жутко делается и тоскливо от странного ощущения, которое я для себя назвал «мир-без-слов». Мир смутных образов, резких, очерченных запахов и огромных, склоненных к тебе лиц...

«Несси, поддержи его минутку... – Что ты Лизонька, я

боюсь... вдруг что-нибудь сломаю...»

Гулкие звуки речи сейчас, в воспоминании, обрели смысл. Да, вот тебе и на руках носила. А запах у тётки Несси – тот же. Как бы поточнее... полынной лунной ночи... Тьфу, пропасть!

– И напрасно! – ничего не подозревая о моих ментальных мучениях, продолжала поучать меня она. – Сокурсницы тебе не простят, если ты не напишешь о новейших тенденциях в мире современной моды со слов самой Майлз!

– Вы все шутите, тетя Несси, а я и вправду жалею, что взялся за это... Уж лучше бы я собирал ксенофольклор...

– Это что еще за штуковина?

– Народное творчество обитателей внеземных поселений.

– И такое существует на самом деле?

– Конечно! Разве вы не знаете, что большая часть марсианских колоний освоена ролевиками? Ну теми, что играют в различных мифических существ: эльфов, гномов, фавнов, маниту и так далее... Так вот, колонисты порой на полном серьезе отождествляют себя с этими представителями нечеловеческой расы, отсюда их творчество и называется ксенофольклором.

– Боже, как интересно... А ты не мог бы продемонстрировать мне образчик такого фольклора? – попросила тетя Несси.

Ну разве могу я ей отказать!

– Пожалуйста! Вот это, например... Исполняется с завыв-

ванием...

«Не ходите дети в Морию гулять!
В Мории алмазы, в Мории мифрилы,
В Мории большие, злые Сильмариллы!»

– Потрясно!

– Не то слово! – горделиво отвечивал я, словно сам сочинил эти трехвековой давности строки.

Откровенно говоря, это был почти единственный, известный мне образчик ксенофольклора, собирать который я во все не рвался. Хватит с меня и общения со знаменитостями. Кстати, неплохо бы уже взяться за дело. Тетя Несси, конечно, приятный собеседник, и даже, в свете новых обстоятельств – очень приятный, но!... Нет никаких оснований считать ее агентом новоявленных ультралуддитов, а значит, и тратить на нее времени более, чем требует простая вежливость, не след. Или всё же?...

– Пойду все-таки пособираю автографы, – сказал я с неподдельным сожалением.

– Иди-иди, инкогнито! – улыбнулась тетя Несси. – Счастливой охоты, Маугли!

– Счастливой охоты всем нам! – тут же ответил я, и, отойдя от столика, начал выбирать жертву.

Разумеется, об участниках полета я знал все, что хранится в открытом доступе. Большинство из них были знаменитостями местного масштаба: победителями конкурсов на

звание всего и вся, разные там мисс Алеутских островов, лучшие куроводы Ацидалийской равнины и герои-победители Аквитанских игр. Были, впрочем, в составе «команды пассажиров» и настоящие звезды, вроде абсолютного чемпиона по метанию молота Дитера Мартелла, любопытной дизайнерши или тивидивы Стюарт. Последнюю я засёк еще на Тихоокеанском Узле в сопровождении то ли поклонницы, копирующей свою кумиршу, то ли сестры-близняшки. Вот к этой актрисушке присмотреться бы не мешало, уж больно странный М-фон у нее... Или не у нее, а, наоборот, у сестры? В любом случае, разобраться следовало, но пока здесь, на «Селентиуме» я ее не встречал. Оставалось выбирать из имеющихся. К Мартеллу не пробиться, он плотно стиснут фанатками из числа туристок. Общение с миссис Майлз отложим на самый крайний случай, хотя она и любознательна чрезмерно. С кого же начать?...

И тут я увидел ее!

И забыл обо всем на свете!...

И удивился собственной слепоте...

Нет, она совсем не похожа на свои голограммы. Ничего общего. На них она, как говаривал Шур, заразивший меня дурной привычкой цитировать разную древнюю мутотень, комсомолка, спортсменка и просто красавица. Вот именно, – просто. Но разве можно описать этими и любыми другими словами Живую ртуть, Темное пламя, Симфонию огня – эту стремительную стихию, которая в жизни зовется именем Ан-

на?! Нет, целым веером дивных имен: Аня, Анюта, Нюша, Энн!

Но-но, сказал я себе, сейчас перед тобой лишь мадемуазель Рыжова, двухкратная чемпионка Земли по Боевому Троеборью, участница туристического рейса к Меркурию, а следовательно, одна из подозреваемых. А посему будешь ты с ней приторно вежлив, но не более...

Сказано – еще не сделано. Анна с бокалом в руке и соломинкой в алых губках сидела на высоком табурете у барной стойки, и задумчиво смотрела в окно. Как только весь из себя элегантный «Вестник богов» прилунился, «Селентинум» начал потихоньку подползать к космодрому, опровергая древнюю арабскую поговорку, насчет горы и Магомета. Самого «Вестника» разглядеть отсюда было невозможно – космодром лежал в тени центральной горки кратера. Но вид на окрестности был выше всяких похвал, и, похоже, моя автографиня намерена любоваться им до упора.

Упор, однако, оказался ближе, чем я думал. Музыка, терзавшая мой слух с того самого момента, когда я заявился в бар, смолкла и приторно-сладкий голос диспетчерского искина проворковал:

«Прошу членов команды пассажиров космического лайнера “Вестник богов” явиться в центральную шлюзовую! Повторяю...»

Видимо, этого объявления ждали с нетерпением, ибо в многолюдном злачном заведении возник легкий переполох.

Оставляя коктейли недопитыми, обрывая разговоры, суетясь и толкаясь «члены команды пассажиров» устремились к выходу. Анна, разумеется, тоже, причем, одна из первых. Только ее и видели...

Чувствуя себя полным идиотом, я лихорадочно принялся было искать выход из положения, как ощутил легкое прикосновение к руке. Тетя Несси. Кто ж ещё?

– А ты что не идешь? – спросила она.

– Меня забыли записать в члены этой команды, – пробурчал я.

– Эх ты, репортер-инкогнито! – вздохнула тетя Несси. – Так ты не сможешь выполнить учебного задания. Идем, я проведу.

– Но как?

– Нет ничего проще, – беззаботно ответила тетя Несси. – По списку на борт корабля могут подняться тридцать пассажиров. Хо в отъезде, следовательно одного пассажира не хватает. Зачем сбивать с толку охранные системы: Хо заменишь ты! И все дела, как любил говорить твой папаша...

Зря она упомянула моего «папашу»... Настроения мне это не улучшило, но выполнять задание Шура было необходимо, и потому я не стал упираться. Замыкая нестройную колонну туристов, мы с тетей Несси устремились к центральной шлюзовой. В большой круглой зале нас обрядили в пустолазные костюмы – легкие скафандры для экскурсий, а после пятерками стали выводить в шлюз и усаживать на спины

причудливых вакуумных механоргов, напоминавших огромных белых медведей, только шестилапых.

Мишки были идеальным средством передвижения по лунной поверхности. Их длинная и густая псевдошерсть, образуемая на загровке что-то вроде негерметичной пассажирской кабины, аккумулировала тепло, которое при пересечении теневых участков отдавала седокам; на солнце же шерсть, наоборот, – излучала прохладу. Кроме того, она защищала от радиации, космических лучей и даже микрометеоритов! Не удивительно, что лунные туристы обожали кататься на мишках.

Как только из шлюзовой камеры откачали воздух, псевдошерсть механорга, на широком хребте которого мы с тетей Несси и еще тремя попутчиками вполне комфортно разместились, встала дыбом, создав вокруг нас уютный кокон, притом совершенно прозрачный. Разошлись створы. Мишка перемахнул с выдвигного пандуса на ближайший валун и замер, позволяя вдоволь налюбоваться открывшимся видом.

Громада «Селентиума» закрывала нас от кинжальных лучей Солнца, но лежащая впереди впадина Коперника озарялась полумесяцем Земли, свет которого размывался бьющими то там, то сям, газовыми фонтанами. Этот аттракцион придумали сравнительно недавно и, надо признать, задумка реализована блестяще. Ведь Луна вовсе не мертвый мир, как думали когда-то, недра ее еще полны вулканической силы, которая, к счастью, редко вырывается наружу.

Так вот, по решению Совета «Селентиума», клан вакуумных кротов, обычно использовавшихся для прокладки тоннелей и добычи полезных ископаемых, пробил в лунной коре специальные скважины, сквозь которые на поверхность стали просачиваться вулканические газы. И Коперник превратился в своеобразную долину гейзеров. Красиво, черт побери!

Выдержав строго отмеренную паузу, мишка плавными и долгими прыжками помчался вдоль тени от центральной горки кратера, которая только так называлась – горка, а на самом деле была небольшой по лунным меркам горной страной. Время от времени, механорг пересекал газовые гейзеры и вид на окрестности заволакивался туманом. Мои спутники, похоже, восхищались этим вслух – глаза их восторженно округлялись, а губы непрерывно шевелились, но никто из них, даже тетя Несси, не запрашивал аудиоконтакта со мною. Я тоже не напрашивался. Нет, я с удовольствием поделился бы впечатлениями, например, с Аней, но она села на другого зверя.

Едва я вспомнил о своей автографине, в голове у меня появилось привычное уже ощущение настройки на волну. В ровном фоновом шорохе, среди коротких всплесков, которыми мишки обменивались необходимой для совместного движения информацией, сквозь басовую струну главного канала все настойчивей звучало то, что можно было назвать человеческой составляющей М-связи.

Я читал, что когда-то люди верили в возможность телепатической связи. Время от времени эта вера то усиливалась, то ослабевала. Термин «телепатия» быстро себя скомпрометировал и его пытались заменить на «эмпатию», «биологическую радиосвязь», «экстрасенсорное восприятие», но хрен редьки оказался не слаще. С появлением первых механоргов выяснилось, что у них есть своя особая сенсорика, которую, не мудрствуя лукаво, называли М-связью.

Немного позже узнали, что М-связь присуща всем живым, но у естественных созданий она слишком слаба для практического применения. Дискретные элементы индивидуальной рационализующей матрицы, в просторечии именуемые чипами Ирмы, которыми снабжают каждого человеческого индивида, по достижении оным шестилетнего возраста, решили эту проблему. И лишь у особо продвинутых, вроде меня, врожденные способности к М-контакту были значительно выше обычного.

Как и всякое уродство, эта моя особенность скорее мешает, чем помогает общению с себе подобными. Ведь подавляющее большинство людей живут для меня словно за высокой глухой стеной. Поэтому легко представить, как я взволновался, когда услышал доносящийся сквозь эту стену тонкий голосок, выводящий: *«а на луне, на луне скачет медведь, как во сне...»*

Мозг человеческий устроен таким образом, что даже сны им осознаются лишь через вербализацию. Хотите вспомнить

свой сон? Расскажите его хотя бы самому себе! И с человеческой М-связью происходит тоже самое! Кто-то мысленно мурлыкал старинную песенку, сидя на спине лунного мишки, а я услышал. И сразу решил, что это Анюта. Ну, а кто же еще?

Перемахнув через очередной валун, наш мишка оказался на космодроме, где в лучах прожекторов серебрился слишком изящный для космического корабля силуэт «Вестника богов». Он стоял под парами, с виду опираясь на декоративные хвостовые стабилизаторы, а на самом деле, – на силовую подушку. К корпусу космолайнера уже успели пристыковать ферму обслуживания, тоже отчасти декоративную, если не считать лифта. Мишки стали один за другим подбегать к нижней лифтовой площадке и выгружать пассажиров. Наш оказался третьим в очереди.

Ожидая, пока выгрузятся первоочередники, я начал было строить планы углубленного знакомства с мадемуазель Рыжовой, как вдруг странная – вроде бы и незнакомая, но при этом откуда-то известная мне щекотка под веками и ледяная струя вдоль хребта нарушили ход моих благостных размышлений.

И в голове моей установилась тишина.

И холод.

Космический.

И в этой холодной космической тишине стал нарастать нечленораздельный какой-то вой. М-вой?...

И заметались по площадке перед кораблем лунные мишки, а некоторые, с пассажирами на загривке, рванули куда-то в неизвестные дали.

И затрепетал, обжигая кожу, блокнот Шура в нагрудном кармане.

И над вершиной центральной кратерной горки, как раз там, где находился «Селентиум», воссияла невозможная здесь заря.

И затряслась, будто припадочная, лунная почва.

А потом в черном и дырявом от звезд небе возник причудливый, невероятно ослепительный цветок.

Глава четвертая

Похищение Европы

Океан за иллюминаторами плясал как безумный, но в рубке царил покой. Тихо шелестели хемофильтры, втягивая насыщенный озоном грозовой воздух и отплевываясь от всякого рода сернистых соединений. Однообразно и успокоительно попискивал датчик радиационной обстановки. Шторм откатывался на восток, и теперь за его разрушительной работой можно было наблюдать лишь на мониторах орбитальной метеогруппировки.

«Ледяные рифы выдержат, – подумал Рюг. – Им не впервой. А вот “морскую капусту” опять придется сгонять в термосадки, иначе перемерзнет...»

Это было завтрашней заботой, а сейчас с легким сердцем вахтенный включил отбой тревоги.

«Багровым заревом затянут горизонт...» – пронеслось по закоулкам обитаемой плавучей базы, в просторечии именуемой «Поплавком».

Использовать этот марш в качестве гимна первой европейской колонии, предложил Лэн. Совет идею одобрил и она быстро прижилась среди остального населения. Еще бы! Достаточно выйти на верхнюю палубу, чтобы убедиться в совершенной справедливости решения властей. Зарево пе-

реставало быть багровым лишь там, где сквозь облака просвечивало крохотное Солнце. Тогда оно становилось скорее багряным. На полушарии же, вечно обращенном к полосатому Джупу, небо выглядело еще занятнее, но там порой было слишком неуютно, чтобы находилось много желающих сравнивать.

«Дорогой, ты скоро? – раздалось в спикерфоне. – Ужин стынет».

Рюг вздрогнул, глянул на часы. Оказывается, его вахта уже окончилась, на что прозрачно намекала фрау Крюгер.

– Уже иду, Пэм, – откликнулся Рюг, поднимаясь.

Легко сказать: «иду». А как, если сменщика не видеть? Опять Лизке мозги пудрит, лодырь...

Рюг вздохнул. Сменщик ему не нравился. Не нравилась его манера именовать себя Йоганном Вайсом, хотя был он всего лишь Иваном Беловым. Не нравилось, что он не любит рутинной работы. Все ему подавай охоту, или, на худой конец, патрулирование. А пособирать «морскую капусту» после шторма не хочешь?

«Вот тебе завтра это дело и поручим», – злорадно подумал Рюг, воочию наблюдая нагловатую физиономию «Йоганна» в дверях рубки.

Как-никак, херр Крюгер был главой Совета колонии, а следовательно, мог заставить любого лодыря заниматься самой непопулярной работой.

– Ну и где же ты был? – поинтересовался он.

– Вы не поверите, дядя Рюг! – вытаращил нахальные зенки Ваня.

– Отчего же? Я привык верить людям.

– Эти уродцы, Женька со Стасом, опять запороли движок «Нырка». Пришлось чинить.

«При помощи будущего экзобиолога Элизабет Крюгер, надо полагать? Которая здорово разбирается в биодвигателях субмарин...» – хотел добавить Рюг, но передумал. С нынешними, молодыми да ранними, ирония бесполезна.

– Который «Нырок» на этот раз? – спросил Рюг.

– По номеру двести пятидесятый, а по счету третий, – ответил парень.

– Придется пожаловаться пану Вербицкому, – сказал Рюг. – Пусть поучит сынков старым педагогическим способом...

– Верное решение, херр Крюгер! – поддакнул «Йоганн».

Сам ты уродец... Боже, и за кого эта дуреха собралась замуж!

– Починил движок, говоришь? – спросил Рюг.

– Да там и работы-то было, что заменить мембрану на водозаборе, – отмахнулся сменщик.

– Ладно, – согласился Рюг. – В наказание, братья Вербицкие пойдут завтра капусту собирать. Старшим назначаешься ты!

– А я-то за что?! – заорал будущий зять.

– За опоздание на вахту, – отрезал будущий тесть и поки-

нул рубку.

Оставив сменщика наедине с обидой, Рюг спустился к лифту, который доставил его на минус пятый уровень, злыми языками именуемый Трюмом. Шторма, ураганы и подводные землетрясения здесь почти не ощущались. Компенсаторное поле гасило процентов девяносто их разрушительной энергии. Но и оставшиеся десять доставляли немало хлопот. Поэтому неудивительно, что сейчас в коридорах, прилегающих к главному лифтовому стволу царил тишина.

Обитатели Поплавка отдыхали после напряженной штормовой вахты, или занимались каким-нибудь мелким, скрашивающим досуг хобби.

Наверняка были и такие, кто продолжал работать, даже в свободные часы не в силах оторваться от любимого дела. Совет колонии этот энтузиазм не поощрял, но когда неожиданно, вне графика, появлялась уточненная карта океанских течений, новая теория биоценоза придонных слоев, или простое до гениальности техническое решение очередной зубодробительной проблемы, отказаться от этих «подарков судьбы» сил у старейшин не находилось. Нарушителю режима делалось дежурное внушение, «дабы не повадно было впредь», а негаданное новшество с благодарностью принималось.

Впрочем, занимались этим лишь колонисты старшего поколения. Большинству молодых ни до чего не было дела, кроме подводного экстрима, ночных пирушек с танцами, да

амурных делишек. Страшно даже подумать, что со временем придется передать управление колонией тому же Белову. Бр-р... За минувшие со дня прибытия первых колонистов десять лет, слава Шуру, не было потеряно ни одного человека, зато приобретено целых пятнадцать. Самому младшему едва исполнилось три месяца, а самые старшие – Станислав и Эугениуш Вербицкие – уже вовсю ломали минисубмарины.

Уродцы!

«Ну ничего, вы у меня попляшите...» – подумал Рюг, входя в свои «председательские апартаменты».

Из кухонного отсека потягивало ароматным дымком, и слышался раскатистый мужской бас.

Так-то ждет меня благоверная!

Напряжение сразу оставило Рюга – он был дома. Напустив на себя грозный вид, он вошел в кухню. Пэм стояла у плиты, невежливо повернувшись объемистым турнюрором – *и куда только подевалась та худенькая хуторянка?* – к гостю, который разглагольствовал, сидя перед запотевшим бокалом с излюбленным «коктейлем викинга».

– ...как у кашалота, а впереди чертова уйма щупалец. Мы поначалу никак понять не могли, почему у одних особей их десять, у других двенадцать, а у третьих вообще шестнадцать? Оказалось, эти твари способны выращивать столько щупалец, сколько им надобно. Представляешь, Пэм?

– А это ты, гроза европейских морей? – сказал Рюг. – Муж на вахте, а он тут моей супруге зубы заговаривает...

Полагаю сударь, это оскорбление смоем только кровью!

— Ага, кальмаролота! — согласился Лэн, пожимая широкую лапищу друга. — Коего обязуюсь, при случае, повергнуть к ногам прекрасной Памелы.

— Шли бы вы, морские витязи, в комнаты! — велела Пэм, краснея. — И там бы обсуждали своих кошмаролотов... Как будет готово, позову.

— И вправду, пойдем, — подхватился Лэн. — А то в следующий раз твоя супруга накормит нас несуществующей печеню лавового прихвостня, вместо этой прекрасной синтетической говядины.

— И накормлю, — пообещала Пэм. — Очень даже запросто...

«Витязи» гуськом выбрались из кухни. Практичный Лэн не забыл при этом, прихватить свой бокал и шейкер, где, надо думать, осталось еще некоторое количество фирменного напитка. Расположились они в гостиной, в больших надувных креслах, прямо под черепом вышеупомянутого прихвостня — жуткой десятиметровой твари с неожиданно маленькой, хотя и отменно зубастой головой.

Чудище было добыто Лэном, который не нашел лучшего применения своему трофею, нежели подарить его черепушку старинному другу на юбилей. Рюг, разумеется, остался подарком доволен. Хотя и считал, что дочь пошла в экзобиологи только потому, что на детское ее воображение подействовал сильно романтизированный в рассказах дяди Лэна

образ этой твари.

Безжалостного хищника, собиравшего кровавую дань на склонах подводных вулканов, поймать живьем было невозможно. Прихвостень дрался до последнего. Кстати, название чудищу придумала именно маленькая Лизка, когда впервые увидела по местному мульти-TV эту крохотную голову, казалось по ошибке прикрепленную к огромному хвосту.

«Смотри папа, какой прихвостень смешной!» – закричала она, тыча нежным пальчиком в экран.

Мда, шестилетняя Лизка увлекалась *прихвостнями*, а не лодырями...

– Есть новости сверху! – сказал Лэн, задумчиво глядя на картину, принадлежащую кисти хозяйки дома.

На Европе у Пэм, отчаянно скучающей по родине, открылся талант живописца. На ежегодной выставке, прямо скажем, не высоких достижений местных художников полотно «Восход Фобоса над Элладой» было признано лучшим. Скорее всего, сказалось почтение к начальству, однако картину хотели забрать в Галерею. Рюг воспротивился, предпочитая самолично любоваться на эту темно-зеленую гладь марсианского моря под молочно-ноздrevатым ломтиком марсианской же луны, плывущей в сиреневом небе...

«Хватит с них и стереокопии», – решил глава Совета, которому ностальгия тоже порой не давала покоя.

– Надеюсь, хорошие новости? – спросил он, откупоривая шейкер и прикладываясь к выпивке.

– Я неверно выразился, – вздохнул Лэн. – Новость заключается в том, что новостей нет.

– То есть, как это? – опешил Рюг.

– А вот так... Полное отсутствие М-сигнала, включая тестовый.

– Этого не может быть, – упрямо покачал седеющей головой Рюг. – Тестовый сигнал вечен, как реликтовое излучение.

– Да, – буркнул Лэн. – При условии, что есть чему излучать.

– Хочешь сказать, – медленно начал его друг, – что Ирме опять кирдык?

– Ты поразительно догадлив! – усмехнулся Лэн. – Кирдык, и почище, чем тогда на Марсе.

– Ни хрена себе струя! – вырвалось у Рюга. – Что могло случиться?

– Кабы знать, – проговорил Лэн.

– Выходит, мы теперь отрезаны от всех, – констатировал председатель Совета колонии.

– Или они от нас, – сказал Лэн, – что, впрочем, одно и то же. Сам понимаешь, я не стал об этом трезвонить по всему Поплавку. Зачем людей зря пугать.

– И правильно сделал! – похвалил его старинный дружок. – Только это шило долго в мешке не утаишь.

– То-то Тадеуш будет доволен, – хмыкнул истребитель прихвостней. – Отныне независимость нам обеспечена!

– Особенно если учесть, что очередной модульник с рассадой может теперь до нас и не дойти, – задумчиво сказал Рюг.

– Наверняка затеряется, – вздохнул Лэн, – или свалится на Джуп...

– Хорошо, если на Джуп... – сказал глава Совета. – Надо попросить Мэрилл, чтобы сделала прогноз траектории с поправкой на отсутствие связи с Ирмой...

Лэн с невольным почтением поглядел на друга. Как-никак, Рюг владыка Европы, почти император! И самообладания ему не занимать. Вот уже и справился с растерянностью, начинает принимать судьбоносные для колонии решения. До Лэна лишь сейчас допёрло, насколько европейцы отрезаны от человечества.

Десять лет назад все начиналось довольно весело. После драки за Узел, мечевики остепенились – Рюг, тот вообще семейством оброс – и, как водится, заскучали. Нет, ну в самом деле, сколько можно скакать с мечами на турнирах! Захотелось настоящего дела. И тут на помощь опять пришел всемогущий Шур.

«На Европе, – сказал он, вызвав их с Рюгом на традиционное брусничное чаепитие, – уже можно обходиться без скафандров и дышать, правда через фильтры. Пришло время начать ее колонизацию, а для этого нужны добровольцы.»

Добровольцы, разумеется, нашлись. Помимо Лэна и Рюга, в числе первых колонистов оказалось еще сорок во-

семь человек, включая женщин и детей. В систему Юпитера они прибыли на специальном грузопассажирском модульном транспортнике, вместе с рассадой специально выведенных механоргов. Последние призваны были пополнить ряды своих собратьев, вот уже на протяжении последних полтора десятилетия постепенно меняющих ледяной мир к лучшему.

Увидев обновленную «медицинскую звезду» с орбиты, откуда челноком пассажиров доставили на, тогда еще необитаемую, плавучую базу, Лэн, помнится, почувствовал себя неуютно. Он, конечно, имел представление о технологии терраформирования сего юпитерианского спутника: все участники экспедиции, кроме младших, прошли соответствующие курсы.

Применялась специальная прослойка в верхних слоях свежесформированной атмосферы, аналогичная озоновому слою Земли, только состоящая из металл-органического соединения со столь сложным названием, что Рюг, пожалуй, выговорить бы не рискнул. Да и вспомнить – тоже. Эта самая прослойка работала как полулазер, преобразуя убийственное радиоизлучение Джупа в ливневое инфракрасное. С небольшим «хвостом» в видимую часть спектра.

Тепла выделялось столько, что в считанные столетия Европа освободилась от большей части ледяного покрова и превратилась в планетарный океан, воды в котором было больше, чем на Земле. А вот суши на порядок меньше. Цепочка экваториальных архипелагов и ледовые шапки на по-

люсах не в счет. Имелись у терраформинга и другие недостатки: постоянный равномерный прогрев одного полушария вызвал к жизни могучие конвективные перетоки воздушных масс. Или, выражаясь по-человечески, – сокрушительной силы ураганы. А постоянно терзаемые гравитационными объятиями Джупа вулканы, всюду принялись насыщать атмосферу серными и прочими дрянными соединениями, ранее благополучно растворёнными в подлёдном царстве европейского Нептуна.

Небо полушария, обращенного к Юпитеру, светилось равномерным и весьма неприятным густо-вишнёвым оттенком догорающих углей. Эдакий «апокалиптически-апоплексический закат». Начитанный в классической философии Тод Вербицкий, немедленно обозвал это небо «Закатом Европы», но большинству народонаселения шутка не понравилась – колонисты предпочитали термин «восход». А вообще, первое время балагурили от души, видимо для того, чтобы подавить естественный страх перед новым, незнакомым миром. Разумеется, они знали о нем все, что необходимо для выживания и полноценной работы, которой всегда невпроорот. Ведь задача колонистов заключалась в дальнейшем преобразовании шестого по счету и второго большого джуповского спутника в максимально гостеприимный мир.

Для этой цели они выискивали и приспособливали к делу местные ресурсы. Например, разводили «морскую капусту» – представляющую собой колоссальную, до трех мет-

ров в поперечнике... одноклеточную водоросль! «Капуста» обожала тепло и весьма активно поглощала из океанской воды разные вредные примеси, выделяя чистейший кислород. Теплолюбивость водоросли составляла проблему, ибо термальная энергия распространялась в европейской атмосфере неравномерно, а структура морских течений еще толком не сложилась. Чтобы разводить «морскую капусту» в холодных зонах, придумали специальные садки – участки мелководья, подогреваемые маломощными евростационарными термазерами.

Однако излюбленным занятием колонистов, особенно молодых, была подводная охота. Экзобиологи, правда, всячески ей противились, так как предпочитали не убивать европейских тварей, а лишь усыпив или оглушив, измерять, взвешивать, смотреть в зубы и так далее. Но убивать тоже порой приходилось. А что поделаешь, таков закон подводных джунглей – или ты его, или оно тебя! Терциум не всегда датур.

Фронтир, его мать!...

И все же, невзирая на все прелести фронта, присутствие в Солнечной системе остального человечества, ощущалось. Пусть Ирма была не властна здесь, но М-связь осуществлялась бесперебойно. Раз в несколько месяцев прибывал очередной транспорт. Родные и близкие, оставшиеся кто на Земле, кто на Марсе, могли в любой момент справиться у колонистов о настроении и здоровье и получить в от-

вет аналогичные вопросы. А вот сейчас М-канал почему-то исьяк! У Лэна не хватало воображения представить все последствия этого.

– Вот что, дружок, – сказал Рюг. – Обзвони-ка ты Совет. Скажи, что через час экстренное заседание. Гриф – секретно!

– Сделаю! – подобрался Лэн.

– Расслабся, – улыбнулся «европеанский император». – Мы еще успеем отведать синтетической говядины.

Члены Совета колонии смотрели на своего председателя без всякого почтения. Звонки Лэна вытащили их из теплых постелей, а кое-кого из объятий возлюбленных, или, что хуже, из-за рабочего стола. Хмурились, но не роптали. А Рюг не спешил выкладывать ошеломляющую новость, гадал кто из старейшин и как отнесется к сообщению об исчезновении М-связи с метрополией.

Главный экзобиолог Тадеуш «Тод» Вербицкий, наверняка, обрадуется – это Лэн верно подметил, – но пусть только попробует опять болботать о независимости Европы от Земли!

«Я тебе устрою Речь Посполиту от Северного полюса до Южного, – ожесточенно подумал глава Совет. – За сынками бы лучше присматривал...»

Мэрилл Кондакова, математик-неалгоритмик, ученица и последовательница знаменитой Агнесс Шерман, примет ин-

формацию к сведению и займется прогностическим моделированием ситуации, как ей по службе и положено.

«Техдиректор» Семен Кондаков, мастер золотые руки и вообще умница, пожмет широкими плечами и заверит, что вверенные ему биомеханизмы будут как всегда исправно «функциклировать».

Леонид Зарин, он же Лэн, шеф службы безопасности, будет задницу рвать, лишь бы не допустить эксцессов – с ним все ясно. Бойцовый кот нигде не подведет!

Главный планетолог и климатолог в одном флаконе, Рафик Хуснутдинов, в панике начнет проверять и перепроверять свое немалое спутниковое хозяйство, в результате, начнется такой хаос, по сравнению с которым пропажа М-сигнала, просто цветочки. Надо бы его вовремя тормознуть.

Аглая Красавка – вот уж редкостное совпадение фамилии и сути – культустреггерша, идеолог и педагог колонии, с присущей ей энергичностью продолжит внедрение в массы своей программы: «Европа – центр культуры на периферии Солнечной системы». И это к лучшему. Все ж таки ее культурный шовинизм не так опасен, как политический – Тода. Хотя, как посмотреть...

Ладно, поехали...

– Дела, братья и сестры, обстоят хреновее некуда, – начал Рюг, стараясь как можно дальше уйти от сакраментального «Я собрал вас, господа, чтобы сообщить пренеприятное известие...», – *тем паче, что никакой ревизор до нас в ближай-*

шее время не доберется. – Вот уже на протяжении десяти с лишним часов начисто отсутствует М-связь с метрополией!

Дамы ахнули. Мужики крикнули. И сразу вопросы.

– Даже тестовый не проходит? – поинтересовался Семен.

– Да.

– Но это ж – хрень на палочке! – возмутился «техдиректор», безоговорочно верящий в могущество биомехов.

– Хрень, – согласился Рюг. – Но это так. Что, по-твоему, могло произойти?

– Ну, не знаю, – развел мозолистыми руками Семен. – Насколько я понимаю, М-связь не экранируется никакими известными материалами и не искажается никакими известными излучениями. И если отсутствует даже тестовый сигнал, значит либо исчез источник, то есть Ирма, либо разом погибли все ретрансляторы, а также патрульные эринии, космические мусорщицы и вообще все биомехи системы... Реникса!

– Но если выбирать из этих двух вариантов, – осторожно спросил Рюг, – какой наименее вероятен?

– Да оба дикие! – выкрикнул Кондаков.

– И все же?

– Спутники и эринии зараз пропасть не могут, – сказал Семен. – А вот если предположить, что существует некий опорный сервер Ирмы, и этот сервер взяли и отключили, тогда да... Но ведь никакого опорного сервера инфосферы никогда не было! Это же не Интернет какой-нибудь ископа-

емый... Ирма – это просто совокупность всех механоргов, искинов, терминалов и дискретных элементов связи. Не более...

Какое-то смутное воспоминание пробудилось в голове Рюга от этих слов. Что-то из бесшабашной юности.

«*Шур – и есть самый настоящий страж инфосферы!*» – кто это сказал? Кажется, Виг, дружок незабвенный, в Мусорном поясе сгинувший... А ведь страж должен быть как-то связан с Ирмой, и не как-то, а самым что ни на есть, прямым образом...»

– А может, в качестве такого сервера выступать человек? – задал председатель вопрос, показавшийся большинству присутствующих лишённым смысла.

Но только не Кондакову.

– Если только он – киборг, – ответил Семен, поскребя в затылке, – напичканный чипами по самое не балуйся... Хотя я ни о чем подобном не слышал...

«А я – слышал, – подумал Рюг. – Ещё как слышал! И если это так, выходит с Шуром что-то произошло! Возможно, он даже погиб! Погиб и потянул за собою всю цивилизацию?...»

Рюг попытался представить масштабы бедствия и не смог.

– У тебя есть какие-то догадки, Рюг? – спросил проницательный шеф службы безопасности.

– Нет, – мотнул головой председатель. – Я считаю, нам незачем гадать, что там случилось. Гораздо важнее понять,

что нам дальше делать. Посему хотелось бы услышать ваши мнения... и предложения.

– Кстати, – снова встрял Лэн. – Обо всем, что здесь сегодня было и будет сказано – молчок! Я найду способ укоротить язык любому болтуну! Ясно?

Советники глухо выразили понимание.

– Ну-с, приступим к прениям, – академическим тоном предложил Рюг. – И коль скоро уважаемый Леонид самовольно взял слово, ему и начинать.

– Я все уже сказал, – буркнул Лэн. – Требую соблюдение режима строжайшей секретности!

– А как вы, Леонид, собираетесь объяснить колонистам невозможность связи с родными? – спросила Аглая, не без ехидства.

Иной имел мою Аглаю...

– Профилактическими работами на главном ретрансляторе! – ответил Лэн, ничуть не смутясь.

– И сколько, по вашему, может длиться эта профилактика?

– Столько, сколько нужно!

– Теперь вам слово, уважаемая, – вмешался Рюг.

Красавка посмотрела на него укоряюще, но глава Совета сделал вид, что не замечает этого.

– Я считаю, что нужно провести ряд культурных мероприятий, – с обидой в голосе сказала Аглая, – призванных не только развлечь колонистов, но и отвлечь от мыслей о род-

ных и близких. У меня давно запланировано несколько акций, но...

– Спасибо! – перебил ее Рюг. – Подробный план действий каждого советника будем обсуждать в рабочем порядке. Семен, прошу!

– А что Семен, – пожал плечами Кондаков. – Семен не подведет. Все биомехи и прочая скотинка будут работать как миленькие. Кроме того, мне кажется, что можно попытаться наладить радиосвязь.

– Каким же образом? – удивился Рюг.

– Ганимедская автоматическая обсерватория оборудована радиотелескопом. Ежели покумекать, как следует, то не составит особого труда перенастроить его на передачу кодированного радиосигнала...

– И с кем же ты собираешься связываться? – насмешливо спросил Тод. – С инопланетянами?

– Ага, с ними, – без смущения откликнулся «техдиректор». – Точнее, с марсианами. На Олимпе есть обсерватория Лоуэлловского общества с аналогичной антенной. Они смогут принять наш сигнал.

– Идея мне нравится, – одобрил председатель. – Займись ею, Семен. И раз уж Тоду нетерпится высказаться, я готов выслушать.

– Не вижу, каким образом пропажа М-связи может нарушить программу исследований, намеченную моим отделом, – равнодушно сказал Вербицкий.

– Нарушить не может, – согласился Рюг. – А вот прибавить работы – да!

– То есть? – опешил Тод.

– А вот то и есть, – опять встрял Лэн. – Что скоро станет нечего есть!

Рюг покосился на друга, дескать, ты еще тут с дурацкими каламбурами, но счел своим долгом пояснить:

– Леонид, в общем-то, прав. Голодать мы, конечно же, не будем, но придется основательнее взяться за освоение местных ресурсов.

– Охота за ради пропитания? – хмыкнул главный экзобиолог. – Ну-ну...

– Речь не только об охоте... – начал Рюг, но экстренный вызов по линии внешней связи отвлек его.

Что еще за напасть?

– Крюгер слушает! – буркнул председатель в спикерфон.

«Говорит вахтенный! – заполонил офис Совета взволнованный голос Белова. – Только что получена занятная картинка с Ганимеда!»

– Какая еще картинка, Белов? – сурово спросил Рюг. – Ты чем на вахте занимаешься?

«Виноват, херр Крюгер, – как ни в чем не бывало ответил вахтенный. – Вот только ганимедская обсерватория зафиксировала глюонный разряд на Луне, в кратере Коперника. Светимость порядка... Мощность взрыва около...»

«Ну вот и все, – отстраненно подумал Рюг, уже не слыша

цифр. – Естественных глюонных взрывов, тем более на Луне, не бывает... А что там у нас в кратере Коперника? „Селентиум“! Значит, взорвался именно он... Вероятность аварии на глюонном реакторе равна ноль целых ноль... Да что у них там, война началась?!»

Тадеуш Вербицкий, спокойно взирающий на возникшую суматоху, думал о другом. Он думал о том, что вековая мечта его народа о подлинной независимости, наконец, осуществилась. И пусть из всех поляков обрели ее лишь он, да его дети, но зато им удалось то, что не удавалось никому из великих польских королей и президентов древности – похищение целой Европы. Как и всех когда либо существовавших националистов, Тогда не смущали логические неувязки: ни то, что поляков всего трое, ни то, что Европа – эта вовсе не та Европа, о которой мечтали его предшественники, ни то, что верховная власть на фантастической этой Европе принадлежала немцу.

«Ничего, – думал пан Вербицкий. – Это мы поправим... Дайте срок!»

«Нырок-250» шел в надводном положении, оставляя за кормой длинную струю вспененной воды. По багрово-красным европейским небом океанская зыбь казалось оранжевой, а высоко взлетающие клочья пены переливались всеми оттенками от кадмиевого, до мадженты. Справа и слева от кильватерной струи, шли ведомые минисубмарины. Стас

управлял «133-й», а Женька «95-й», и оба были счастливы до опупения, что им разрешили поучаствовать в рутинном сборе «морской капусты».

Иван, или как его звали друзья, Йоганн, а то и более кратко – Йог, восторгов своих временных подчиненных не разделял. Ему хотелось настоящей охоты, а не морской прогулки. На Земле Йог никогда не бывал, но его туда и не тянуло, потому что охота там запрещена. В воспоминаниях же о родном Марсе преобладала светлая комната, заваленная игрушками, да руки матери. Почему-то всегда только руки, а не лицо. Разумеется, Йог знал как выглядит мать, хотя с настоящей, физически осязаемой мадам Беловой не общался с восьми лет, то есть с тех самых пор, когда отец увез его на Европу. Мать лететь с ними отказалась, она так и живет на скучном своем Марсе, где крупнее завезенных варанов, невесть почему называемых аборигенами «мимикродонами», не водится никаких хищников.

Другое дело здесь, на Европе! Океаны полны тварями, от одного вида которых в жилах стынет кровь. Кальмаролот, прихвостень, полярный аспид, гигантский морской змей, карликовый морской змей, крокофаг, птицерух – всех и не перечислить! Целую жизнь можно посвятить выслеживанию, погоням и схваткам с этими чудовищами. А сколько еще невиданных монстров кроется в глубинах? Экваториальный глубоководный каньон исследован лишь по верхам. Море Дирака на Южном полюсе не бороздила ни одна суб-

марина, если не считать диптритонов, которые заняты картографированием, да подсчетом запасов фитопланктона. Ну что взять с тупоголовых механоргов, которые только и могут, что выполнять задания Совета?

«Ох уж мне этот Совет, – со скрежетом зубовным подумал Йог. – Собрание слабосильных старперов-перестраховщиков...»

Помяни черта, и он появится!

Скрипнул зуммер приемника и в рубку скачущей по вер-хушкам пологих волн субмарины, ворвался ненавистный голос будущего тестя:

«Двести пятидесятый доложите обстановку!»

– Говорит двести пятидесятый, – лениво отозвался Йог. – Следуем прежним курсом: норд норд ост. Скорость пятьдесят узлов. «Капусты» на волнах не видно. Какие будут указания?

«Будьте предельно осторожны, двести пятидесятый. По данным спутниковой разведки, у термосадков пасутся кальмаролоты. Около десяти взрослых особей. Как понял, двести пятидесятый?»

– Понял вас отлично! – заорал двести пятидесятый, едва восторг чуть отпустил его горло. – Будем предельно осторожны!

«Добро!» – отозвался председатель и отключился.

«Как же, буду я осторожен, – злорадно подумал Йог. – А если что с нами случится, тестюшка, виноват будешь ты. Ни-

кто тебя за язык не тянул...»

Он посмотрел на шкалу датчика боезапаса. Глушилок и ледяных гарпунов хватало, ультразвуковая пушка обычно не подводила, но Йог отдал бы сейчас полжизни, ради обыкновенного ручного гарпуна-недлендовки, или ахавки. И хотя легендарный «Пекод» никогда не пересекал воистину безбрежные воды Трансьевропеанского океана, призрак Моби Дика преследовал воображение юного Вани Белова с не меньшим упорством, нежели воспаленное сознание капитана Ахава.

Только где там заурядному, пусть и белому, кашалоту тягаться со своим полутезкой, достигающим тридцатиметровой длины, не считая десятиметровых щупалец, каждое у основания толщиной с доброе дерево и с трех сторон покрытое острыми крючьями? А чего стоит его акулий хвост, с зазубренной, словно пила, режущей кромкой? Не говоря уже о ротовом отверстии сразу с четырьмя клювами.

Мелкие исследовательские механорги из клана нерейд неоднократно транслировали жанровые сценки из жизни этих чудовищ. Особенно впечатляюще выглядела схватка между кальмаролотом и крокофагом, случайно заплывшим в охотничьи угодья хозяина Евроокеана.

Крокофаг – тоже не сахар, во рту не тает, хотя и похож на пятиметровую сосульку, только усеянную шипами. Вернее, зубами. Способ охоты крокофага крайне прост. Настигая жертву, например, морского епископа – огромную, но

крайне глупую тварь, внешне и впрямь напоминающую католического священника высокого ранга в полном облачении – крокофаг пронзает ее своим рогом, а затем бешено вращаясь вокруг оси рассекает на множество частей, которые после поглощает. Так вот с кальмаролотом у него это фокус не вышел. Полутезка Моби Дика просто отломил головной рог крокофага, а потом нашинковал туловище несколькими ударами серпообразного хвоста, что твою колбасу! И какой, скажите, уважающий себя охотник откажется от возможности вступить в поединок с этим кошмарным созданием? Только не Йоганн Вайс!

Йог вызвал на связь «Нырок-133». Было слышно, как Стас включил микрофон, но отвечать ведущему отнюдь не спешил, так как увлекся спором со своим братцем по параллельному каналу.

«...правомочно, я имею в виду, имеем ли мы право вмешиваться в местную экосистему?»

«Не забывай, что экосистема Европы возникла благодаря нашему вмешательству!» – откликнулся Женька.

«Она существовала задолго до появления на Земле человека. Вспомни доклады Раулинсона. Полтора миллиарда лет эволюции, и это по самым скромным оценкам!»

«Ага, – хмыкнул Женька. – Только ты позабыл, ученый мой братец, что дно океана буквально усеяно кладбищами здешних домовашних животных. Раулинсон этого не знал, у него не было наших данных. Еще пара лимонов и Европа бы

промерзла до ядра. И тогда всем этим прихвостням и игло-жорам кирдык. Мы дали европейцам второй шанс.»

«По некоторым данным, – возразил Стас, – не два миллиона лет, а от трех до шести. Кто знает, может быть, за это время на Европе появились бы разумные существа.»

«Они и появились!»

«Правда! – простодушно удивился Стас. – Эти сведения верные?»

«Вернее не бывает, – фыркнул Женька. – С одним из них я уже битых два часа веду беспредметный спор.»

«Да ну тебя!», – надулся Стас.

– А ну хватит трепаться! – рявкнул Йог. – Развели анти-монию... Получен новый приказ. В районе термосадов обнаружена стая кальмаролотов, порядка десяти взрослых особей. Они разоряют плантации «капусты». Наша задача их уничтожить.

«Всех?» – недоверчиво переспросил Стас.

– Как можно больше!

«Но зачем? – продолжал Стас. – Ведь можно просто отогнать! Они же пугливы как... как коровы.»

«Точно, – вмешался его братец. – Врубим ревуна. Они и рассосутся!»

– Приказы не обсуждаются, а выполняются! – отрезал ведущий.

«Кабы не заложили Рюгу, – обеспокоено подумал Белов. – У Женьки хватит ума самостоятельно связаться с базой. Чем

бы их отвлечь?...»

Йог посмотрел на зеленый кругляш экоскрина и едва не завопил от радости.

– Ведомые внимание! – торопливо проговорил он. – Цель справа по курсу. Расстояние два с половиной кабельтовых. Глубина триста метров. Приготовиться к погружению!

Старый самец чутко вслушивался в океан. Распустив диковиным цветком шестнадцать своих щупалец, он ловил туго натянутой между ними перепонкой малейшие колебания водной толщи. Отдаленные подводные землетрясения, зарождающиеся тайфуны, оторвавшийся от ледового щита на юге айсберг, не волновали Великого Старца – опасность, которую несли эти стихии была слишком привычной и вполне предсказуемой. Иное дело хищники, обладавшие развитым интеллектом. На их стороне были не только скорость и разнообразные орудия убийства, но и способность менять стратегию преследования и тактику нападения, если прежние себя не оправдывали.

Однако и хищники были не столь опасны, как существа, появившиеся совсем недавно. Великий Старец еще помнил времена вечной ночи, царившей в океане. Почти исчезнувший ныне большой лед, тогда покрывал всю жидкую вселенную несокрушимым панцирем. Единственными источниками благодатного тепла служили лавовые реки, струившиеся в вулканических долинах. На берегах этих рек обильно про-

израстала всяческая живность, а также главное лакомство в
рационе сородичей Старца – водоросль-гигант.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.